

ДЖ.М. БАРРИ

ПИТЕР ПЭН

В
КЕНСИНГТОНСКОМ
САДУ

ПИСАТЕЛЬ ДЖЕЙМС БАРРИ И ЕГО ВОЛШЕБНЫЙ РЕБЕНОК

Папа приходит вечером усталый и голодный. Он с работы. Мама прибегает взъерошенная и сердитая. На ней тяжелые сумки и все хозяйство. У бабушки вязанье, но свитер такой скучный, что бабушка то и дело над ним засыпает. Если бы в их жизни остался хоть малюсенький кусочек сказки из детства, то все их мелкие взрослые неприятности показались бы ерундой рядом с чудесами и волшебством. Увы! Так уж устроены взрослые — только получают паспорт, или диплом, или свидетельство о браке, так тут же все сказки из головы вон. Впрочем, не у всех.

Есть такая профессия — сказочник. Этим людям никакие дипломы не могут выбить фантазий из головы. Сказочники от всех нормальных людей отличаются, зато между собой похожи. Джеймс Барри, автор «Питера Пэна», например, очень похож на Александра Милна, автора «Винни-Пуха». Не лицом, конечно. Оба они родились в Англии. (Англия, между прочим, — одна из главных волшебных стран в мире. Именно там раньше жили волшебные существа — эльфы и феи, с ними запросто каждый человек мог встретиться. Потом феи разлетелись по сказкам мира, а в сегодняшней Англии их раз-два и обчелся).

Джеймс Барри сначала хотел быть полезным взрослым и писал взрослые книги, пьесы и умные статьи. Ну точно как Александр Милн. А по выходным он от статей отдыхал, гуляя с сыном Дэвидом в Кенсингтонском саду. Тут-то и обнаружился его уникальный талант — помнить детские чудеса, слышать волшебные заклинания и видеть фей. «Прогулочные» истории он записал. Ну точно как Милн про Винни-Пуха. Но подарил Барри эти истории не одному сыну Дэвиду. Как раз в это время у писателя появилось еще несколько ребятнишек — дети его погибшего друга, которых он взял не только в свою семью, но и в историю о Питере Пэне. Так получилась книга, прославившая его на весь мир, — «Питер Пэн и Венди». Что тут началось! Всех охватила такая любовь к Питеру Пэну, что ему даже памятник поставили на родине — в Кенсингтонском Саду! Дэвид и его новые братья и сестры, подрастая, стали забывать сказки, однако другие дети в Англии и в Европе не захотели расставаться с Питером Пэном и феями. Да и сам Джеймс Барри, даром что взрослый, не умел забывать чудеса. Так появилась еще одна история про Питера Пэна — только не продолжение предыдущей, где рассказывалось о его приключениях с Венди, а наипервейшая история, — про то, откуда берутся дети вообще и такие волшебные дети, как Питер Пэн, в частности. И про самую первую девочку, которая встретила с Питером Пэном — про Мейми. И про то, как давно это было, — уже почти никто не помнит. Впрочем, и сам Джеймс Барри давно это записал. Наверное, даже дети Дэвида и его названных братьев и сестер с тех пор успели стать дедушками и бабушками. А Питер Пэн так и не вырос. И не состарился. Самая первая история его жизни и приключений называется «Питер Пэн в Кенсингтонском Саду». Долго добиралась эта сказка до нас. Но для волшебства нет границ. Теперь книга Джеймса Барри про маленького мальчика, ставшего волшебным, — ваша.

ГЕЛЕНА ГРИНЕВА

CADY

Янтарный сказ Калининград

Глава 1

*Большая
прогулка*

по

*Кенсингтонскому
Саду*

ы хочешь знать историю Питера Пэна с самого начала? Что ж, я расскажу её. Но не думаешь же ты, что сможешь разобраться в его жизни, не зная, что такое Кенсингтонский Сад? О, это удивительное место! Оно в Лондоне, где живёт Король. Расположен Кенсингтонский Сад на берегу бесконечного потока омнибусов, над которым твоя няня имеет такую власть, что стоит ей поднять руку — и омнибусная река замирает. В Саду — множество ворот. Ну-у-у... во всяком случае, больше, чем одни, через которые мы с Дэвидом

обычно входим в Сад. Там сидит леди с шариками. Она сидит неподвижно, потому что, стоит ей пошевелиться, огромная гроздь воздушных шаров оторвёт её от земли и понесёт над Садами. Однажды продавщица сменилась. И хотя Дэвид дружил с предыдущей, больше всего он расстроился оттого, что не видел, как её несло над аллеями на связке разноцветных шаров.

Первое, что бросается в глаза в Саду, — это, конечно, деревья. Ближе всего к ограде растут фиги. Но мы не будем здесь задерживаться: у фиг гуляют дети из высшего общества, которым запрещено общаться с “голытьбой”. Так они называют всех остальных детей. А Дэвид и другие нормальные дети называют этих деток фигами, потому что среди них нет ни одного приличного ребёнка. Кроме одной мятежной фиги, Мейбл Грей. О Мейбл я расскажу вам попозже, когда мы дойдём до ворот, названных в её честь.

Вот мы и добрались до Главной Аллеи. Здесь вы наверняка встретите людей, достойных внимания. Обычно их сопровождают взрослые, чтобы постоянно напоминать, что нельзя ходить по лужам, грызть ногти, играть в

Мэри-Энни и в “бешеную собаку”. Быть Мэри-Энни — значит, ныть, как последняя девчонка, кривляться, жадничать. Короче, гадко себя вести. “Бешеной собакой” быть куда интересней. Это — бегать взапуски, толкаться и устраивать кучу малу.

Теперь перейдём к дереву Чекко Хьюлетта. Однажды мальчик по имени Чекко потерял возле него пенс, кинулся искать, но нашёл трёхпенсовик. С тех пор около волшебного (не побоюсь этого слова!) дерева непрерывно ведутся поисковые работы.

Чуть дальше по Аллее стоит маленький деревянный домик, в котором скрывался Мармадук Пэрри. Поистине, из всех историй о Кенсингтонском Саде история о Мармадуке — самая ужасная! Этот Мармадук целых три дня изображал из себя Мэри-Энни (с большим успехом, надо сказать), в конце концов его наказали, заставив выйти на прогулку по Главной Аллее в ПЛАТЬИЦЕ ЕГО СЕСТРЁНКИ. Он скрылся в деревянном домике и наотрез отказался выходить, пока ему не принесут бриджи с карманами. Пока няня бегала за бриджами, Мармадука охранял самый настоящий полисмен.

Теперь попытаемся пробраться к Круглому Пруду. Няни ненавидят это местечко, потому что им вообще

недоступны человеческие радости. Они постараются заговорить вам зубы и увести к Большой Пенни и к Детскому Замку. Пенни — самый большой ребёнок во всём Кенсингтонском Саду. Раньше она жила в замке одна-одинёшенька. А теперь она — здоровая каменная скульптура в свою честь.

Наконец-то мы оказались у Горки. Это та часть Главной Аллеи, где происходят все основные гонки. Такова уж особенность этого места — даже если вы не хотите играть в догонялки, всё равно побежите. Иногда, сбежав до середины Горки, вы вдруг обнаруживаете, что потерялись. Ничего страшного: именно здесь стоит ещё один маленький домик, именуемый Домом Находок. Вам нужно только сказать человеку внутри домика, что вы потерялись, и он тут же вас найдёт.

С Горки открывается отличный вид на ворота имени Мейбл Грей, фиги, о которой я обещал вам рассказать. Мисс Мейбл Грей всегда гуляла в сопровождении двух нянюшек, а иногда и мамы в придачу. До поры до времени она была весьма благовоспитанной леди: прилично

вела себя за столом, вежливо интересовалась вашим самочувствием и завтрашней сводкой погоды, здоровалась с другими фигурами. Ей было дозволено играть в одну-единственную игру: аккуратно бросать мячик и ждать, когда няня его принесёт. Но однажды это всё ей опостылело. Мейбл Грей выбрала другую игру — она стала “бешеной собакой”. Чтобы развеять сомнения в том, что она — самая настоящая “бешеная собака”, мисс Мейбл развязала шнурки на ботинках и показала язык всем, кто стоял справа, потом — слева, потом — сзади, а потом и тем, кто стоял впереди неё. Потом она сорвала с себя кушак и утопила его в луже. И плясала на нём до тех пор, пока вся не покрылась толстым слоем грязи. После чего мисс Мейбл (если её ещё возможно так называть) перемахнула через ограду и совершила ряд неопишуемых поступков, самым невинным из которых было забрасывание ботинка на дерево. Но этим дело не закончилось. Мейбл добежала до ворот, которые теперь носят её имя и... понеслась вдоль улицы! Она бегала по улицам, ловко уворачиваясь от полисменов, и слышать не хотела о возвращении домой. Говорят, что её вконец отчаявшаяся

мама вместо такси остановила омнибус, высадила оттуда всех пассажиров и, стоя на верхней площадке, как капитан на мостике, лично руководила поимкой Мейбл. Утверждают, что Мейбл согласилась вернуться лишь потому, что была потрясена видом мамы, впервые в жизни оказавшейся в дешёвом общественном транспорте.

А вот и КОЛОДЕЦ СВ. ГОВОРА! Этот колодец был полон воды в те времена, когда Малькольм Смелый в него свалился. Малькольм Смелый был надеждой и опорой своей матушки. Он позволял ей с ним сюсюкать и обнимать его на людях. Потому что она была вдовой. Но, несмотря на этот прискорбный факт (я имею в виду объятия на людях), Малькольм был большим любителем приключений. Его любимым товарищем по играм был трубочист, который пристрелил порядочно медведей. Тру-

бочиста звали Чумазый. И вот однажды, когда они играли у колодца, Малькольм в него свалился. И обязательно утонул бы! Но тут неустрашимый Чумазый вскочил на бортик, нырнул ласточкой и — спас его! Воды колодца смыли с Чумазого потёки сажи и под ними обнаружился миловидный джентльмен в скромном двубортном пиджаке и галстуке. О Боже! Какими знакомыми показались его пиджак и лицо матушке Малькольма! Да и самому спасённому. Конечно же, он оказался давным-давно потерянным отцом Малькольма Смелого. Теперь уж

Малькольм больше никогда не позволял своей матушке обнимать его в общественных местах!

Та-а-ак! А что это виднеется впереди? Ну конечно же, Круглый Пруд!

Круглый Пруд потому и круглый, что находится в самом центре Сада. Около Пруда вы просто забываете о хороших манерах, а когда вспоминаете, то уже мокры, как сама вода. В Пруду запускают корабли. Некоторые из них так велики, что их приходится привозить на специальных тележках. Вы, конечно, всегда мечтали иметь собственную яхту. А какой англичанин не мечтает? Разве что Принц Уэльсский. Да и то лишь потому, что она у него есть. Итак, вы мечтали запустить собственную яхту по Круглому Пруду. И — наконец-то — троюродный дядюшка дарит вам её на именины! Как же приятно нести яхту в первый день к Пруду и обсуждать её достоинства с мальчиками, у которых нет таких замечательных дядюшек. На второй день вы оставляете красавицу-яхту дома и вытаскиваете из чулана лодочку, сделанную из дощечки, с веточкой-мачтой. Как ни странно, с такой лодочкой легче мечтается: нет ничего проще, чем представить себя старым морским волком на её борту. С красавицей-яхтой думается только о ежегодной регате, когда на набережной выстраиваются разряженные дамы, а их капризные дети трескают пряники. Нет, уж лучше на обшарпанной посудине бороздить вольные воды мирового океана в поисках причитающихся тебе сокровищ!

Кстати, о странствиях. В Саду, помимо специальных аллей, проложенных специальными людьми, есть тропинки-беглянки, которые, по мнению Дэвида, сами себя сделали, чтобы от Пруда добраться до самых интересных закоулков Сада, не менее диких, чем сами эти тропинки.

В одном из таких потайных закоулков начинается Серпантин. Это длинное озеро, в котором утонул лес. Если вы пройдёте по кромке берега и взгляните в водную гладь, то увидите деревья, растущие вглубь. В Саду уместается лишь малая часть Серпантина. Сразу же за мостом озеро устремляется прочь, к острову, на котором рождаются птицы. Птицам, рождённым только на этом острове, суждено превратиться в маленьких мальчиков и девочек. Ни один человек (за исключением Питера Пэна, да и тот человек только наполовину) не может попасть на этот остров. Но вы можете написать на бумажке, кто вам нужен (мальчик или девочка, брюнет или блондин), свернуть из этой бумажки кораблик и пустить в воду. В сумерках записку обязательно прийдёт к острову, на котором обитает Питер Пэн...

Ну всё. Пора поворачивать назад. Пожалуй, мы уже чуть-чуть устали, хотя и путешествовали понарошку. Конечно, можно было бы пройти весь маршрут, но тогда нам пришлось бы отдыхать на каждой скамейке, как это делает мистер Селфорд. Это мы с Дэвидом его так прозвали, потому что он всё время рассказывает о райском уголке — Селфорде, где имел честь родиться в незапамятные времена. Мистер Селфорд, ужасно болтливый старый джентльмен, бродил целыми днями по Саду в надежде встретить хоть кого-нибудь, кто наслышан об этом прекрасном местечке. За полтора года знакомства мы порядком устали от его рассказов и — представьте себе — вдруг нашли ещё одного одинокого старика, который вроде бы когда-то провёл выходные в Селфорде. Это был застенчивый и рассеянный человек, забывавший даже собственный адрес и потому записавший его на подкладке своей шляпы. Мы с почестями проводили нашего нового знакомца к мистеру Селфорду. С тех пор они стали неразлучны...

И вот мы снова почти что у ворот. Остались лишь две достопримечательности: собачье кладбище и гнез-

до зяблика. О собачьем кладбище мы вам расскажем как-нибудь в другой раз. А история гнёздышка очень грустная. Мы с Дэвидом как-то раз обшаривали заросли кустарника в поисках его мячика. Мячика мы не нашли, зато обнаружили чудесное гнёздышко из шерсти. Там лежало четыре яичка. Яички были сплошь испещрены трещинками, очень похожими на каракули Дэвида. Мы каждый день навещали наше гнёздышко, соблюдая все правила маскировки, чтобы нас не выследили жестокие мальчишки. Мы приносили с собой крошки от кекса, и скоро мама-зяблик признала в нас друзей. Но однажды мы увидели, что в гнезде осталось всего два яичка, а в следующий раз там не оказалось ни одного! Мама-зяблик поглядывала на нас столь укоризненно, что у нас не оставалось сомнений: в случившемся она винит только нас! Дэвид попытался ей всё объяснить... Но времена, когда он знал птичий язык, давным-давно прошли, и я боюсь, что птичка его не поняла. В тот раз мы покинули Сад, утирая слёзы.

Глава 2

Питер Пэн

незапамятных времен живёт на свете Питер Пэн, но дня рождения у него не было ни разу. Дело в том, что он покинул мир людей, когда ему стукнуло всего семь дней. Он сбежал через окно третьего этажа и улетел обратно в Кенсингтонский Сад.

Если ты считаешь Питера просто несносным ребёнком, сбежавшим из дома ради шалости, значит, ты напрочь забыл дни своего младенчества. Дэвид, например, поначалу тоже был абсолютно уверен, что ему и в голову не приходило сбежать из дома, когда он только что родился. Но стоило ему крепче сжать виски ладошками, как он явственно вспомнил своё самое первое детское желание — вернуться на верхушку дерева. А затем припомнил, как, лёжа в колыбели, вынашивал план бегства, ожидая лишь того момента, когда мамочка наконец закроет за собой дверь. Более того, он припомнил, как мамочка поймала его однажды в тот момент, когда он почти улетал через каминную трубу. Каждый ребёнок может вспомнить что-нибудь подобное, стоит только крепче сжать голову руками. Ведь все младенцы без исключения знают, что они были птицами, прежде чем превратились в людей. Не веришь? Приглядишься к первому встречному грудничку — это же абсолютно дикое существо, неистово ревущее днём и ночью от зуда в плечах — там, где у него раньше были крылья.

Итак, Питер Пэн вылез через окно. Он стоял на подоконнике и смотрел на деревья вдалеке. И как только он сообразил, что видит кромку Кенсингтонского Сада, то сразу же забыл, во что он теперь превратился — в какое беспомощное человеческое существо в ночной рубашонке. Это просто вылетело у него из головы. И он, беспечно оттолкнувшись от подоконника, полетел к

Кенсингтонскому Саду, огибая дома, кроны вязов и шпильи.

Конечно, Питер поступил несколько легкомысленно, взлетев без крыльев, но место на плечах, где они прежде были, так зудело, что он ни на секунду не усомнился в своей летучести... Кто знает, может, любой из нас мог бы взлететь, будь он уверен в этой возможности так, как в ней был уверен в тот вечер Питер.

Он легко приземлился на клумбу где-то между Детским замком и Серпантином, повалился на спину и взбрыкнул ногами. Воспитанные мальчишки так себя не ведут, но Питер и думать забыл о том, что он теперь мальчик. Он всерьёз полагал, что по-прежнему остаётся птицей.

Однако он быстро догадался, что попал в Сад во Время Закрытия, потому что вокруг было безлюдно, но очень... фейно.

Феи были заняты своими делами и не обращали на Питера никакого внимания. Одни шли к сумеречной дойке, другие спешили по воду. Вид ведёрка с водой вызвал у Питера такую жажду, что он стремглав полетел к Круглому Прудку. Он

лихо спикировал и засунул клюв в воду. Конечно, Питер заблуждался, никакой это был не клюв, а самый обыкновенный нос, поэтому туда попало совсем немного воды, да и та, вопреки ожиданиям, не освежила. Тогда Питер сообразил, что надо искупаться в луже, и плюхнулся в ближайшую, подняв сноп брызг. Любая настоящая птица после купания расправляет крылья и досуха вытряхивает пёрышки. К сожалению, Питер не мог припомнить, как же это делается.

Единственное, что он надумал в результате довольно мрачных размышлений, — не испытывать больше судьбу, и отправился спать в Детскую Аллею, на раскидистый бук.

Поначалу ему показалось, что спать сидя на суку — глупо и неудобно, но он исхитрился и кое-как пристроился в развилке веток...

Проснулся Питер от собственной дрожи и пробурчал: “Не припомню такой холодной ночи в Кенсингтонском Саду”.

Действительно, раньше Питеру не приходилось так мёрзнуть, ночуя на деревьях. Потому что птицы тепло укутаны своими пёрышками. Но одно дело быть птицей, а другое — стать маленьким мальчиком в тонкой ночной сорочке. Вдобавок ко всему Питер ощущал какое-то странное неудобство, будто голова у него была набита опилками. Он услышал ужасный звук, заставивший его вздрогнуть и с испугом оглядеться. Однако он никого не увидел, потому что этот звук исходил от него самого и был его собственным чихом. Питер очень разволновался, когда понял, что ему хочется сделать что-то очень важное и нужное. Но — вот беда! — он не знал, ЧТО ИМЕННО. На самом деле было нужно, чтобы мама как следует высморкала ему нос. К сожалению, спасительная мысль о МАМЕ даже не пришла Питеру в го-

лову! Поэтому он решил спросить совета у фей. Уж они-то всегда знают, что делать.

Как раз неподалеку две из них в обнимку прогуливались по Детской Аллее. Питер с надеждой бросился к ним. Спору нет, у фей с птицами отношения непростые, но они всегда готовы вежливо ответить на вопрос, заданный в корректной форме. Поэтому Питер страшно разозлился, когда парочка пустилась наутек, едва его заметила.

Представительный эльф развалился на садовой скамейке, почитывая газету, забытую в Саду кем-то из людей. Но... услышав голос Питера, он в смятении скомкал газету, а сам нырнул в бутон тюльпана.

К своему изумлению, Питер обнаружил, что все феи пренебрегают знакомством с ним, а некоторые (например, эльф-молочник) пренебрегают до такой степени, что прячутся в перевёрнутых молочных флягах. Там и сям метались стайки фей, выясняющих, чего же именно нужно бояться. Огни были погашены, ставни закрыты, засовы на дверях задвинуты, а от Дворца Королевы Меб доносилась барабанная дробь. Это значило, что доблестная Королевская гвардия приведена в полную боевую готовность.

По Главной Аллее выступил полк улан, вооружённых листьями остролиста.

Питер слышал, как маленький народец перекликается в кустах: "Тревога! Человек в Саду после Закрытия!", но он и на минуту не мог предположить, что был тем самым человеком.

Он чувствовал себя всё более несчастным и набитым опилками и просто сгорал от нетерпения узнать, что же он хочет сделать со своим носом. Как, скажите мне, он мог отстать от фей, если так и не получил ответа на жизненно важный вопрос? Робкие создания чурались его, и даже доблестные уланы Её Величества, когда Питер наконец настиг их у Горки, поспешно свернули в

боковую аллею, притворившись, что именно там напали на след неприятеля.

Разочаровавшись в феях, Питер решил посоветоваться с птицами, но вдруг припомнил, что во время его ночёвки на буке целые стаи снимались с веток и уносились прочь. Тогда он не придавал этому значения, но теперь ужасная догадка осенила его: всё живое его сторонится!

Бедный Питер Пэн! Он сел и залился горячими слезами. Но и теперь он ничуть не сомневался в том, что он птица. К счастью, не сомневался, ибо стоит усомниться в способности летать, как она пропадает НАВСЕГДА! Птицы могут летать лишь потому, что они, в отличие от людей, абсолютно уверены в своей летучести. А иметь веру — это практически то же, что иметь крылья...

Добраться до острова посреди Серпантина можно только на крыльях. Лодкам людей запрещено причаливать у его берегов, вокруг острова из воды торчат коряги, и на каждой день и ночь сидит по птице-дозорному. Конечно же, именно на остров, к старому ворону Соломону, полетел Питер Пэн по своему странному делу. Была глубокая ночь, все птицы, включая дозорных, давным-давно спали. Не спал один старый Соломон. Он внимательно выслушал историю злоключений Питера, а потом выложил ему ужасную правду. Соломон признался, что Питер... увы, не птица.

— Посмотри на свою пижаму, если ты мне не веришь, — хмуро заметил Соломон.

Питер подозрительно оглядел свою рубаху, а потом взглянул на спящих птиц. Ни одна из них не была одета подобным образом.

— Сколько когтей на твоих лапах? — с легким злорадством поинтересовался Соломон.

И Питер обнаружил, к своему ужасу, что вместо пары прекрасных лап с крепкими удобными коготка-

ми у него какие-то жалкие ручонки с возмутительно розовыми пальчиками.

— Распуши-ка свои перья, — язвительно посоветовал Соломон.

Питер попытался это сделать, но — увы — для того, чтобы распушиться, ему не хватало перьев. Тогда он, всхлипнув, поднялся и, впервые с тех пор, как стоял на подоконнике, вспомнил одну милую леди, которая была к нему так добра.

— Я полагаю, что слишком наскучил вам, сэр, и мне следует вернуться к матери? — неуверенно пробормотал Питер.

— До свидания, — безжалостно буркнул Соломон и бросил на Питера странный взгляд. Но Питер медлил.

— Что же ты не уходишь? — вежливо поинтересовался старик.

— Я полагаю, — начал Питер хрипло, — я полагаю, сэр, что ещё могу немного летать?

Вы уже поняли? Он потерял веру!

— Бедный, маленький Серединка-Наполовинку! — воскликнул Соломон, который на самом деле совсем не был жестокосердным, — вот теперь ты НИКОГДА не сможешь взлететь, даже в ветреный день. Теперь тебе всегда придётся жить на острове!

— Что же, я никогда не попаду даже в Кенсингтонский Сад? — огорчённо спросил Питер.

— А как ты до него доберёшься? — съязвил Соломон.

Однако он утешил Питера, сказав, что научит его всему, что умеют птицы. Если, конечно, такой увалень сможет чему-то научиться.

— Так, значит, я никогда не смогу быть до конца человеком? — уточнил Питер.

— Никогда.

— И птицей тоже?

— И птицей никогда.

— Кем же я тогда буду?

— Ты будешь Ни тем Ни сем, — отвечивал Соломон. Бесспорно, он не зря слыл мудрецом и философом. Все вышло именно так, как он предвещал.

Питер остался на острове. Его странный вид и привычки развлекали птиц. Непоседливые мамы заставляли своих детей вылупляться на день раньше весьма оригинальным способом: они нашёптывали сквозь скорлупу, что только сегодня есть уникальная возможность увидеть, как Питер моется (или пьёт, или ест). Тысячи птиц окружали его, когда он это делал, (так мы глазеем

на павлинов в саду) . Они вскрикивали от удовольствия, когда Питер поднимал брошенную ему корочку руками, а не клювом, как это делают все нормальные существа.

Еду Питеру добывали птицы. Они приносили её из Сада. И, поскольку Питер не ел червяков и жуков (что, с точки зрения пернатых, было необъяснимой глупостью), птицам приходилось искать хлебные корочки.

За время жизни на острове Питер очень изменился. Нет, к сожалению, крылья, клюв и хвост у него так и не отросли, но зато теперь на нём уже не было пижамы. Дело в том, что птицы постоянно выпрашивали у Питера тряпочки для своих гнёзд, а Питер не мог им отказать. Тем не менее, кое-какие остатки пижамы он припрятал по совету Соломона. Вот и пришлось Питеру щеголять в чём мама родила. Но не подумайте, пожалуйста, что от этого у него испортилось здоровье или настроение. Питер был неизменно весел и счастлив. И всё потому, что Соломон открыл ему главные птичьи правила:

ВСЕГДА РАДОВАТЬ ГЛАЗ,
БЫТЬ ОТЗЫВЧИВЫМ,
НИКОГДА НЕ СИДЕТЬ СЛОЖА РУКИ,
А КОГДА ДЕЛАЕШЬ ДЕЛО, БЫТЬ УВЕРЕННЫМ,
ЧТО ОНО ПОЛЕЗНОЕ И ВАЖНОЕ.

Очень скоро Питер научился вить гнёзда и делал это намного лучше, чем лесные голуби, и почти так же хорошо, как дрозды, хотя ему было далеко до зябликов. Питер быстро постиг птичьи премудрости: он мог запросто отличить западный ветер от восточного, видел, как растёт трава, слышал, как жучки роют под ко-

рой деревьев свои коридоры. Но лучшее, чему Питер научился у Соломона, было ДОБРОСЕРДЕЧИЕ.

У всех птиц удивительно добрые сердца, несмотря на то, что люди временами разоряют их гнёзда, забирают яйца, а самих птиц ловят и заточают в клетки.

С таким-то сердцем Питеру хотелось петь весь день напролёт, как это делают птицы. Но он всё же отчасти был человеком. И это сказывалось на качестве пения. Так что пришлось Питеру сделать себе дудочку из тростника. По вечерам он сидел на берегу и учил свою дудочку подражать шелесту ветра и журчанию воды.

Иногда грустные мысли залетали в голову к Питеру, и тогда его музыка тоже становилась печальной. Грустил же Питер из-за того, что никогда-никогда не попасть ему в Сад, хоть он и виден под аркой моста. И никогда-никогда не стать Питеру человеком.

Как бы он хотел поиграть с настоящими мальчиками! Да и более подходящего, чем Кенсингтонский Сад, места для этого не найти...

Наверное, вам странно, что Питер не додумался добраться до Сада вплавь. Он додумался. Только доплыть не мог, потому что не умел плавать. Никто на острове не мог научить его плавать, кроме уток, но они ужасные тупицы. Всё, на что они способны, — это без конца повторять: “Ты просто садишься на воду и болтаешь лапами”. Питер не раз пытался сделать, как они советовали, но, прежде чем начинал болтать ногами и руками, уже оказывался сидящим на дне. Больше всего на свете ему хотелось узнать, как же умудриться усидеть на волне и при этом не пойти на дно. Утки уверяли, что совершенно невозможно объяснить такие элементарные вещи.

Как-то раз непонятный белый предмет, похожий на распластанную газету, упал недалеко от острова и

закружился на воде, как подраненная птица. Питер так напугался, что убежал и спрятался. Но птицы объяснили ему, что это обыкновенный воздушный змей, который вырвал верёвочку из рук своего хозяина, настоящего мальчика, и теперь по праву может принадлежать Питеру.

Питер до того привязался к змею, что даже спал не выпуская из рук верёвочку. Я думаю, что он так полюбил новую игрушку, потому что раньше она принадлежала настоящему мальчику. Птицы считали любовь Питера к бумажке с хвостом глупой и сумасбродной. Но они помнили, как он ухаживал за птенцами во время эпидемии кори, поэтому согласились показать, как запускают змея. Шесть птиц взяли верёвочку в клювы и взлетели. К неописуемому восторгу Питера, змей взмыл вслед за ними, а потом и выше них. Питер упрашивал их проделывать трюк со змеем вновь и вновь, а птицы с присущим им добросердечием не могли ему отказать, хотя вместо благодарности каждый раз слышали: “Ещё! Ещё!”

В конце концов в его смелую, хоть и сумасбродную голову пришла блестящая идея: он упросил птиц ещё разочек запустить змея, но уже вместе с ним, Питером, на хвосте. И вот сотня птиц потянула верёвочку, а Питер ухватился за хвост, чтобы, пролетая над Садам, выпустить его из рук. Но — увы! — змей не выдержал и разорвался в воздухе на мелкие кусочки. И Питер наверняка утонул бы в Серпантине, не оказись поблизости пары лебедей, за хвосты которых он сообразил ухватиться. И тем ничего не оставалось делать, кроме как, негодуя шипя, отбуксировать его к острову. После этого случая птицы наотрез отказались связываться в безумные затеи Питера. Но, даже несмотря на это, Питер достиг в конце концов заветных берегов Кенсингтонского Сада. А помогла ему лодочка Шелли. Впрочем, об этом я расскажу в следующий раз.

Глава 3

Гнездо дрозда

истер Шелли дожил до того, что его уже вполне можно было назвать взрослым джентльменом. Но он был поэтом. Поэты же, как известно, никогда не становятся до конца взрослыми. Также известно, что поэты презируют деньги. Кроме, разумеется, тех, которые могут им понадобиться, чтобы расплатиться за сегодняшний ужин.

Мистер Шелли уже отужинал, а в кармане у него всё ещё оставалось пять фунтов. К счастью, во время прогулки по Кенсингтонскому Саду ему в голову пришла блестящая идея: он избавился от лишней банкноты, сделав из неё кораблик и запустив по Серпантину.

В полночь кораблик прибило к острову, и дозорные принесли его Соломону.

Соломон решил было, что это обычное послание от какой-нибудь леди, которая пишет, что он очень обяжет её, если хоть на этот раз пришлёт ей хорошенького малыша. Они всегда просят выбрать самых лучших, и если у Соломона хорошее настроение, то он посылает младенца первого сорта, а уж если он не в духе, то — не обессудьте, он пришлёт очень... забавного. Иногда он вообще никого не посылал, а то вдруг слал двойню или даже тройню, это уж как ему заблагорассудится. Он любит принимать решение единолично, так что не приведи вас Бог настаивать, чтобы он счёл-таки возможным хоть на этот раз прислать мальчика, — будьте уверены, Соломон из вредности подсунет девочку. Если вы маленький мальчик, мечтающий о сестрёнке, пожалуйста, пишите разборчиво обратный адрес. Вы себе представить не можете, сколько заказов Соломон отослал по неверному адресу!

Тем временем кораблик Шелли понаделал шуму.

Ради него были разбужены два советника, которые, исходив бумажку вдоль и поперёк, решили, что прислана она очень странной особой, которая заказывает пятерых. Ведь на банкноте, среди непонятных слов “казначейство” и “карается”, стояла огромная пятёрка.

— Бред какой-то! — возмутился Соломон и отдал бумажку Питеру, как и всё ненужное и бесполезное, что прибывало к острову.

Однако Питер был вполне осведомлён о ценности бумажки. И это ещё раз доказывает, как важно быть наблюдательным в младенчестве. С такими деньжищами добраться до Сада — пара пустяков, размышлял Питер. Для начала он подробно объяснил птицам, что это целое состояние. И хотя птицы были слишком хорошо воспитаны, чтобы потребовать подарок обратно, Питер перехватил несколько испепеляющих взглядов, брошенных на Соломона и выражающих крайнее сомнение в его умственных способностях. Посрамлённый Соломон улетел на другой конец острова. Питер со всех ног кинулся за вороном и постарался его улестить. Конечно, это большой секрет, как ему удалось склонить на свою сторону могущественного старика. Но вам, так и быть, я скажу, что Соломон вовсе не собирался угробить всю свою величавую старость на беспоконную должность вождя. Он намеревался потихоньку отойти от дел и провести остаток дней на благоустроенном тисовом пне в глубине Фиговой Аллеи. Этот пенёк он облюбовал уже давно и ради него неустанно набивал свой чулок. Строго говоря, чулок был не вполне его, — когда-то он принадлежал одному зазевавшемуся купальщику, плававшему около острова. Теперь же в чулке хранилось сто восемь бисквитных крошек, тридцать четыре ореха, шестнадцать корочек, перочистка и шнурок от футбольной бутсы.

Чулок был почти полон, и Соломон решил, что обеспечил себе достойную старость и пора удаляться на пенсию. Очень кстати в эту минуту появился Питер и предложил ворону целый фунт стерлингов. Он щедро отрезал этот фунт от своей банкноты острой палочкой, что навеки сделало Соломона другом и сообщником Питера. Пошептавшись некоторое время, они объявили общий слёт всех дроздов.

Хитроумный старик для начала сообщил, что потрясён мастерством дроздов и затруд-

няется назвать кого-либо, кто способен превзойти их в умении строить гнёзда. Такое начало привело дроздов в прекрасное настроение, на что, собственно, и рассчитывали Питер и Соломон. Ведь все ссоры у птиц происходят из-за того, что они не могли прийти к единому мнению, кто же лучше всех строит гнёзда.

Некоторые птицы, продолжал Соломон, пренебрегают выстилать гнёзда илом, и результат не замедляет сказываться: их гнёзда совершенно не держат воду! Здесь он победно вздёрнул голову, всем своим видом показывая, что использовал неопровержимое доказательство. На беду зяблик миссис Финч явилась на слёт без всякого приглашения. И уж она-то не упустила возможности использовать паузу.

— Мы строим гнёзда для того, чтобы хранить там яйца, а не воду! — выкрикнула она.

Дрозды тут же перестали самодовольно чирикать, а Соломон так разволновался, что был вынужден сделать несколько глотков воды.

— Учтите, — сказал он после этого, — что ил значительно утепляет гнёзда.

— Учтите, — выкрикнула миссис Финч, — что если вода попадёт в это гнездо, то она там и останется, и ваши малыши утонут!

Дрозды с надеждой взирали на Соломона, ведь никто, кроме него, не мог переспорить вздорную леди. Но ворон опять разволновался.

— Глотните воды, авось поможет, — не без злорадства посоветовала миссис Финч. Её звали Кетти, а все Кетти такие вреднюги!

Соломон сделал ещё глоток, и это вдохновило его.

— Если гнездо зяблика поместить в воду, — воскликнул он, — оно размокнет и развалится на куски, а гнездо дрозда останется сухим, как перья на лебяжьей спине.

A vibrant, stylized illustration depicting a scene from 'The Nutcracker'. In the center, a large, winged mouse with a golden crown and pink body floats in the air. To the left, a woman in a red and orange striped dress and a red turban reaches up towards it. In the foreground, a young girl in a red dress with white polka dots and a white headscarf stands next to a pink carriage. To her right, a boy in a plaid shirt and a red hat looks on. Several other mice in various costumes are flying around, and red leaves or petals are falling from the sky. The background features stylized trees with red blossoms.

— Все вы знакомы с нашим юным другом Питером и знаете, как он мечтает добраться до Сада. Теперь же он очень надеется, что вы поможете ему построить лодку...

Дрозды беспокойно заёрзали, и Питер испугался, что весь план рухнет.

Соломон поспешил объяснить, что речь идёт не о том громоздком чудище, на котором плавают люди. Питеру нужно всего-навсего гнездо, но, хм-м, как бы это сказать... достаточно большое. Тем не менее дрозды оставались угрюмыми. "Мы слишком заняты, — качали они головами, — а работа предстоит немалая".

— Но Питер не допустит, чтобы вы трудились даром, — вкрадчиво продолжал Соломон. — Вам, должно быть, известно, что его финансовые дела пошли в гору, и он станет платить вам за работу столько, сколько вы не получали никогда. Питер Пэн уполномочил меня сообщить, что вы будете получать по шесть пенсов ежедневно.

После этого все дрозды захотели принять участие в работе. И день этот с тех пор отмечается как праздник и называется:

ДЕНЬ СОЗДАНИЯ ВЕЛИКОГО ГНЕЗДА ДЛЯ ПУТЕШЕСТВЕННИКОВ.

Случилось это как раз во время дроздиных свадеб и выведения птенцов. Но в тот год не было построено ни одного гнезда за исключением огромного — для Питера. И вскоре у Соломона не осталось надежды, что хоть один из дроздов выполнит заказ с большой земли.

Знаете ли вы, каких малышей люди заказывают чаще всего? Они просят сладкоежек и толстячков с ямочками на щеках и ладошках. Как хороши такие карапузы в колясочках, как уморительно они ходят, переваливаясь и пыхтя!

Да будет вам известно, что именно такие малыши получают из дроздят! Теперь вы понимаете, в каком

щекотливом положении оказался в тот год Соломон? И как, вы думаете, он выкрутился?

Со всех городских крыш в округе Кенсингтонского Сада он созвал воробьёв и приказал им откладывать яйца в старые дроздины гнёзда. Малышей, появившихся из этих птенцов, Соломон без зазрения совести отсылал дамам и при этом клялся и божился, что выслал им первосортных дроздят.

Впоследствии этот год стал известен на острове как Воробьиный. И если вам доведётся встретить в Кенсингтонском Саду толстого взрослого человека, который так пыхтит, вздыхает и отдувается, будто решил надуться ещё больше, вполне возможно, что родился он в тот самый Воробьиный год. Спросите у них сами, если мне не верите...

Питер был отличным распорядителем работ и честно платил своим строителям каждый вечер. Дрозды выстраивались в очередь на ветке, деликатно ожидая, пока Питер отрежет от бумажки в пять фунтов достаточно шестипенсовых кусочков.

Наконец, после месяца неустанного труда, лодка была закончена. Восторг Питера увеличивался по мере роста огромного дроздиного гнезда. С самого начала строительства Питер спал рядом с ним на берегу и часто просыпался среди ночи, чтобы шепнуть своей лодке пару ласковых слов. А с тех пор, как гнездо было выстроено и выстелено илом, Питер стал спать в нём. Внутри гнездо коричневое, зато снаружи оно весёлого, зелёного цвета, потому что свито из травинки и прутьев. Конечно же, в гнезде полно пуха и пёрышек, которые уронили туда дрозды во время работы.

Все остальные птицы ужасно завидовали дроздам, поэтому предсказывали, что лодка перевернётся. Но она устойчиво держалась на воде. Ещё поговаривали, что гнездо будет протекать. Но ни одна капля не просочилась

внутри. После этого завистники заявили, что у Питера нет вёсел, и это повергло дроздов в отчаянье. Но Питер ответил, что вёсла ему не нужны, потому что у него есть парус! И, чуть не лопааясь от гордости, он водрузил парус, смастерив его из остатков пижамы. В ночь, когда сияла полная луна и все спали глубоким сном, Питер спустил свой корабль на воду. В первую минуту, сам не зная почему, он оглянулся на родной остров, но после этого его взор был устремлён только вперёд. Он увидел неясные тени Кенсингтонского Сада и, не мешкая, направил судно под тёмную арку моста. Его лицо горело, взор сиял, ликование было так велико, что совершенно вытеснило страх.

Сначала судёнышко так закрутилось, что вскоре оказалось на том же самом месте, откуда отправилось в плаванье. Питеру пришлось в голову укоротить парус, оторвав от пижамы рукав, но его сразу же повалило навзничь порывом встречного ветра, и наш мореплаватель благоразумно решил оставить всё как есть. Но не тут-то было: его вдруг повлекло к чёрным теням дальнего берега. Питер вообще-то знал, что тени сами по себе не опасны, но, на всякий случай, ещё раз подтянув пижаму, обходил убежище теней до тех пор, пока не поймал попутный ветер. И тогда он помчался с такой бешеной скоростью, что рисковал врезаться в ферму моста. Ему всё-таки посчастливилось проскочить под аркой. И наконец-то он очутился у берегов вожделенного Сада. По пути к бухте гнездо чуть не разбилось. Оно налетело на подводный риф, и Питера выбросило за борт. Он бы, ясное дело, утонул, если бы в самый последний момент не передумал и не вскарабкался на борт.

Потом, как водится, разразился СТРАШНЫЙ ШТОРМ. Подобного рёва волн и завывания ветра Пи-

теру раньше слышать не приходилось. Впрочем, всё закончилось так же быстро, как и началось. Питер приготовился пришвартоваться. Но вдруг он увидел на берегу толпу разъярённого маленького народца, весьма невежливо предлагавшего ему отдать швартовы и проваливать подбру-поздорову, поскольку уже давно наступило Время Закрытия. Вдобавок ко всему толпа была вооружена стрелой, забытой в Саду кем-то из детей.

Питер, поняв, что перед ним феи и эльфы, крикнул им, что он не обыкновенный мальчик, а потом учтиво добавил, что вовсе не желает нарушить их покой, а, напротив, ищет их расположения... В конце своей изысканной речи он всё-таки предупредил, что если они будут строить ему козни, то пусть пеняют на себя.

Но тут одна из фей разглядела, что перед ними всего-навсего маленький голеный мальчик, что по бурным водам Серпантина плывёт он в птичьем гнезде, а парусом ему служит обрывок пижамы в цветочек. И тогда все феи начали громко плакать и жалеть несчастного малыша. Что ж, таковы все женщины. Потом они с почестями проводили Питера к своей королеве, которая высочайше даровала ему все привилегии обитателя Сада во Время Закрытия. Отныне, куда бы ни взбрело в голову пойти Питеру в Саду, феи и эльфы должны всячески ему потворствовать. Таков был первый визит Питера в Кенсингтонский Сад.

Произошло это давным-давно. Но ведь Питер Пэн никогда не вырастет. И если бы вы могли попасть в Сад во Время Закрытия (что совершенно исключено), вы бы увидели того же Питера, несущегося под парусом из пижамы или идущего на вёслах под аркой моста в своём дроздином гнезде. Парусом он правит сидя, а вот гребёт стоя на носу. Как у Питера появилось весло, я вам сейчас расскажу.

Как только забрезжит утро, наступает Время Открытия Ворот и Питеру надо потопрапливаться обратно на остров. Ведь он не до конца человек, поэтому избегает встреч с настоящими людьми. Но до этого у него полно времени для игр в Саду, а играть он любит так же, как все нормальные дети. Загвоздка в том, что играет Питер ну **СОВЕРШЕННО** неправильно! Видите ли, у него нет никого, кто бы объяснил, как играют настоящие дети. Феи и эльфы обычно прячутся до сумерек, поэтому ничего толком не знают. А птицы хотя и делали вид, что могут поведать Питеру уйму важного, на самом деле знали очень мало. Единственное, о чём они рассказали достоверно, так это об игре в прятки, и Питер часто играл в прятки сам с собой. Даже утки из Круглого Пруда не могли объяснить Питеру, что делает Пруд таким притягательным для мальчишек. Вот почему Питер был так ужасающе необразован в вопросах мальчишечьих игр. Например, он часто играл в кораблики. Но, силы небесные, **ЧТО** он запускал в плаванье! Вы не поверите, но корабликами он считал жестяные обручи, которые девчонки крутят на поясе, а мальчишки гоняют по траве. Питер находил забытые обручи на берегу и упорно таскал их по мелководью, невзирая на тот прискорбный факт, что они неизменно тонули. Однажды, найдя детское ведёрко, Питер решил, что в нём нужно сидеть, и уселся так глубоко, что еле смог выбраться наружу. А на Горке ему встретился воздушный шарик, который весело подпрыгивал, будто играл сам с собой. Питеру удалось его изловить. Птицы рассказывали ему, что мальчишки любят играть, пиная мячик. Питер, не сомневаясь, что перед ним именно такой мячик, изо всех сил ударил по шарiku ногой... А потом почему-то нигде не мог его найти.

Но самой удивительной находкой была детская коляска. Питер обнаружил её недалеко от входа в Зимний Дворец Королевы фей. Не исключая, что коляска вполне может быть живой, Питер учтиво поздоровался с ней, но не дождавшись ответа, робко дотронулся до, как ему показалось, её плеча. И — ужас какой — она бросилась прочь! Поскольку убегала коляска, а не он, то Питер не испугался и хотел было поймать незнакомку. Но вдруг... коляска остановилась и, после короткого замешательства, двинулась напрямёхонько на него. Тут уж он не стал мешкать и пустился наутёк. Не думайте, однако, что Питер струсил. Он вернулся на следующую ночь, держа горбушку хлеба в одной руке и прутик в другой. Но коляска убежала БЕЗВОЗВРАТНО, и Питер не раз сожалел о своей минутной слабости. Впрочем, я отвлёкся. Я ведь обещал рассказать про весло Питера Пэна. Так вот, это была обыкновенная детская лопатка. Питер, когда нашёл её, сразу понял, для чего она предназначена, — конечно же, чтобы ею грести, гордо стоя на носу корабля!

Признайтесь, вам жалко Питера из-за того, что он не знал детских игр и всё путал? Конечно, его можно пожалеть, но только са-а-амую малость. Ведь он-то был уверен, что проводит время в Саду лучше всех.

Питер Пэн очень весёлый. Он настолько веселее вас, насколько вы веселее своего папы. И кроме того, у Питера есть дудочка! Джентльмен, однажды возвращавшийся домой поздно ночью, даже написал в газету, что слышал соловья в Кенсингтонском Саду. Вы можете смело давать опровержение — ведь в ту ночь не соловей заливался в Саду, а Питер Пэн играл на своей дудочке.

Впрочем, есть одно, за что Питера можно пожалеть — за то, что жил он без мамы. Хотя — сам виноват. Ведь навещал же он её — и что из этого вышло? А что вышло — это уже следующая история...

Глава 4

Время закрытия

жасно трудно хоть что-нибудь разузнать о феях. Только одно известно о них наверняка: волшебный народец всегда обитает там, где есть дети. Давным-давно, когда в Кенсингтонском Саду запрещалось выгуливать собак, детям вход в Сад тоже был категорически воспрещён. И, представьте себе, там не было ни одной феи. Когда же детей разрешили, то целые стаи фей и эльфов ежевечерне стали прибывать в Сад, где обитают и по сей день. Увидеть их трудно. Отчасти потому, что живут феи на клумбах, ходить по которым никому нельзя, но ещё и оттого, что волшебный народец на редкость хитёр, а временами и коварен. Они не так хитры и осторожны ПОСЛЕ ЗАКРЫТИЯ, но ДО него — это просто ужас!

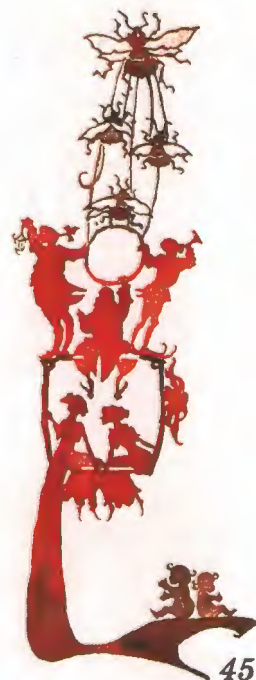
Когда ты был птицей, то общался с феями накоротке; став младенцем, ты ещё кое-что о них помнил и совершенно напрасно не записал! Потому что, вырастая, человек начисто забывает самые важные и интересные вещи. А подросши ещё капельку, начинает считать всё забытое выдумкой и ерундой. Я даже слышал о таких детях, которые утверждали, будто ни разу в жизни не видели ни одной феи. Самое смешное, если говорили они об этом, стоя в Кенсингтонском Саду, где фей так много, что взгляд невольно на них натывается. Да вот только распознать их невозможно, потому что феи обожают притворяться чем-нибудь другим. Любимый их трюк — это, конечно, прикидываться цветами. Дело в том, что все феи — потрясающие кокетки, да к тому же их столица расположена на правом берегу Бухты Фей, сплошь заросшем цветами. Так что выглядеть цветком — это не только хороший тон, но и отличный способ маскировки.

Когда ты был птицей, то общался с феями накоротке; став младенцем, ты ещё кое-что о них помнил и совершенно напрасно не записал! Потому что, вырастая, человек начисто забывает самые важные и интересные вещи. А подросши ещё капельку, начинает считать всё забытое выдумкой и ерундой. Я даже слышал о таких детях, которые утверждали, будто ни разу в жизни не видели ни одной феи. Самое смешное, если говорили они об этом, стоя в Кенсингтонском Саду, где фей так много, что взгляд невольно на них натывается. Да вот только распознать их невозможно, потому что феи обожают притворяться чем-нибудь другим. Любимый их трюк — это, конечно, прикидываться цветами. Дело в том, что все феи — потрясающие кокетки, да к тому же их столица расположена на правом берегу Бухты Фей, сплошь заросшем цветами. Так что выглядеть цветком — это не только хороший тон, но и отличный способ маскировки.

Обычно феи наряжаются в тон цветам, меняя фасоны и расцветки одежды несколько раз за сезон. Увидеть фею можно двумя способами, причём совершенно противоположными. Во-первых, стоя у ограды клумбы. Необходимо сделать вид, что феи тебя вовсе не интересуют и смотришь ты совсем в другую сторону. Тогда краешком глаза ты обязательно заметишь какую-нибудь легкомысленную фею, порхающую над цветами. Другой способ, которым мы с Дэвидом частенько пользовались, — это уставиться в самую гущу цветов. Через некоторое время одна из фей, прячущихся там, не удержится и моргнёт. Детская Аллея, как известно, не меньше Бухты Фей славится цветочными клумбами, поэтому неудивительно, что это излюбленное место свиданий эльфов и фей. Детская Аллея связана у волшебного народца с одной пренеприятнейшей историей. Однажды двадцать четыре феи-школьницы, накинув на плечи пелеринки из гиацинтов, отправились на прогулку. Как вдруг их учительница прижала к губам пальчик: “Тс-с-с!” Все они замерли на свежевспаханной клумбе, притворившись гиацинтами. К несчастью, то, что насторожило учительницу, оказалось двумя садовниками, пришедшими посадить новые цветы на пустую клумбу. Садовники катили перед собой тележку, доверху наполненную саженцами. Каково же было их изумление, когда клумба оказалась уже занятой. “Жаль вырывать гиацинты”, — сказал один садовник. “Но ведь Его Светлость приказали...” — ответил другой. И они, опорожнив тележку, начали вырывать школьниц и складывать их, измятых и перепуганных, на дно.

И учительница, и ученицы так прилежно притворялись цветами, что их увезли в дальний конец сада и свалили в силосную яму, откуда они сбежали глубокой ночью, растеряв в панике шляпки и перчатки. Роди-

тели бедняжек до того переволновались, что разнесли школу в щепки. Хотя увидеть это нам всё равно не удалось бы, потому что дома фей, будь они целые или разорённые, — полная противоположность человеческим жилищам. Наши дома мы отлично видим днём, но они совершенно невидимы в темноте. Дома же фей, наоборот, видны ночью и незаметны при свете дня. А всё потому, что они покрашены в цвета ночи, а я не знаю никого, кто видел ночь в дневное время. Это не значит, однако, что дома фей сплошь чёрные. Ночь, как и день, окрашена в разные цвета, но только более яркие и волшебные. Не верите? Тогда посмотрите, как ослепительно сияет лампочка в одиноком ночном окне и как невзрачен и тускл её свет, когда за окном светит солнце. Королевский дворец сложен из множества мелких стёклышек самых неожиданных цветов и оттенков, и я не знаю королевской резиденции прелестней этой. Впрочем, жизнь королевы в таком дворце несколько утомительна: волшебный народец весьма любопытен и не прочь провести свой досуг, прижавшись носом к дворцовым стёклам. Может, от этого носы у фей и эльфов курносые?

Самое главное различие между людьми и эльфами — не в росте, не в знаниях, не в местах обитания; главное различие состоит в том, что феи никогда и ни при каких условиях не делают ничего полезного. Когда самый первый младенец засмеялся в самый первый раз, его смех рассыпался на тысячи осколков. Из этих-то осколков и возникли феи. А теперь пойдите и спросите у взрослых — какую пользу можно извлечь из детского смеха? Примерно столько же пользы от деятельности волшебного народца. Это совсем не значит, что они бездельничают весь день напролёт, как раз наоборот — все феи выглядят ужасно занятыми, у них нет букваль-

но ни минуточки, чтобы передохнуть. Но если бы ты спросил у них, что же они, собственно, делают, ты бы поставил их в тупик. Взрослым этого не понять, но феи ВСЕРЬЁЗ считают, что делать всё нужно ПОНАРОШКУ, а иначе только хорошее дело испортишь. Их почтальон носит на ремне блестящий рожок и играет на нём походные марши, когда его хорошенько попросишь. Но если тебе нужно отправить письмо, то лучше выкинь его сразу, потому что для такого пустого дела почтальона ни за что не дозовёшься. В их городе построены самые красивые в мире школы, но даже не мечтай в них чему-нибудь научиться! Самый маленький ученик по праву МЛАДШЕНСТВА выбирает учительницу, но, как только та начинает перекличку, дети объявляют перемену, с которой возвращаются лишь к концу четверти, чтобы устроить учительнице хо-о-рошенькую контрольную. Кстати, право МЛАДШЕНСТВА — самое важное право фей и эльфов. Заключается оно в том, что самый маленький признаётся самой важной персоной, вплоть до того, что сам может назначить себя принцем или принцессой. Многие младенцы не могут забыть об этом праве и по наивности своей полагают, что в человеческих семьях такие же порядки. Вот почему они принимают как должное бесконечные восторги тётушек и нянюшек. Тебе, наверное, приходилось видеть, как твоя маленькая сестрёнка, выделяет порой такие штучки, какие ни мама, ни няня тебе ни за что бы не спустили? То она вскакивает, когда велено сидеть, то ни в какую не хочет спать, когда у всех спяются глаза, а то вдруг валится в грязь, стоит наряжать её в новое платьице. Ты, ясное дело, считаешь это озорством, но малышка просто ещё не отвыкла вести себя по-фейски. Через год-два она, конечно, смиритсЯ с тем, что стала человеком, научится говорить по-челове-

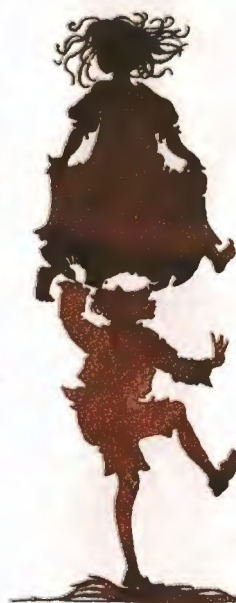
чески, но пока способна изъясняться только на фейском наречии, то есть непрерывно лепечет и хнычет. Единственные взрослые, которые немного понимают по-фейски, — это мама и няня, ведь им часто приходится иметь дело с малышами. Мама и няня первые начинают догадываться, что невразумительное “дам-да-да” твоей сестрёнки означает: “Дайте-ка мне эту прелестную вещицу”, а её “пух-пух” — ничто иное, как: “Тебе очень идёт твоя новая шляпка”. Как-то Дэвид, сильно сжав виски ладонями, припомнил несколько фейских фраз из тех времён, когда он сам был дроздёнком. Я спросил, не из птичьего ли языка эти слова, но Дэвид стоял на своём: слова были о приключениях и чудесах, а птицы только и говорят, что о гнёздах. Дэвид помнил, что, перескакивая с места на место, птицы ведут себя точь-в-точь, как дамы перед витринами: “Нет-нет, этот цвет гнезда мне не пойдёт”. — “Ах, хорошо бы пустить обочку по кромке”. — “А вот миленькая вещица!” — “Боже, да на это же просто нельзя смотреть!”

Фей и эльфов подобные пустяки не трогают, им интересны дела поважнее. Например, танцы...

Волшебный народец предпочитает проводить свои балы прямо на открытом воздухе. Даже спустя неделю на газонах Кенсингтонского Сада можно увидеть круги примятой травы, которые люди издавна называют Ведьмиными или Магическими кругами. Эти круги феи не делают специально, а просто вытаптывают, вальсируя круг за кругом всю ночь напролёт. Если ты нашёл грибы на обочине такого круга, знай: это стулья, которые прислуга забыла убрать после праздника.

Есть способ узнать о предстоящем бале заранее.

Ты наверняка не раз видел таблички на воротах Сада, сообщающие, во сколько он сегодня закроется.

Так вот, эти хитрые создания тайком подменяют таблички накануне бала. Например, вешают табличку, что Сад закроется не в семь часов, как обычно, а в половине седьмого. Это позволяет феям начать бал на полчаса раньше.

Если бы в такую ночь нам посчастливилось оказаться в Саду, как это случилось с небезызвестной Мейми Меннеринг, мы бы застали удивительное зрелище: сотни очаровательных фей спешат на празднество, эльфы в парадной военной форме так и сверкают галунами. Форейторы лихо управляют экипажами, слуги несутся впереди, держа в руках зимнюю вишню, которая служит им фонариками.

Гардеробная уже полна фей, надевающих серебряные башмачки и получающих номерки за сданные пелерины. Цветы толпами стекаются со всей Детской Аллеи поглазеть на роскошное празднество, и феи ужасно им рады, потому что у роз, например, без всяких церемоний можно одолжить булабочку.

Обильный пиршественный стол готов принять гостей. Королева Фей сидит во главе, а за её тронном стоит бессменный лорд Чемберлен с цветком колокольчика в руке, которым он трясёт всякий раз, когда Её Величеству угодно узнать время.

Особой популярностью у фей пользуются вина трёх сортов: из чернослива, из барбариса и из подснежников. Право виночерпия, естественно, принадлежит королеве, но бочонки так тяжелы, что Её Величество потчует своих подданных понарошку.

Начинают обычно с бутербродов размером с трёхпенсовик, а закусывают пирожными, которые так малы, что даже не крошатся.

Феи чинно рассаживаются на грибы вокруг стола и поначалу ведут себя очень пристойно. Но спустя неко-

торое время они совершенно забывают о хороших манерах, делают птичек из бумажных салфеток, лезут пальчиками в маслёнку, а некоторые даже ползают прямо по скатерти, слизывая с тортов цветы из крема и взбитых сливок. Когда королева замечает, до чего дело дошло, она знаком подзывает слуг и приказывает увести и умыть разошедшуюся публику. После чего объявляются танцы.

Её Величество открывает бал, а лорд Чемберлен семенит сзади, неся в руках два кувшинчика, в одном из которых — настой желтофиоли, а в другом — сок купены, или, как её ещё называют, Соломоновой печати. Настой желтофиоли хорош для приведения в чувство танцоров, рухнувших в изнеможении наземь, а сок купены помогает от ушибов.

Синяки и ушибы — нередкое явление на балу у фей, ибо оркестр, распалясь, играет всё быстрее и быстрее, танцоры пытаются угнаться за музыкой, пока ноги у них не перепутываются и все до одного не оказываются в куче мале.

Думаю, ты и без меня прекрасно знаешь, что оркестром служит феям и эльфам Питер Пэн. Он со своей дудочкой сидит в центре круга, и за все времена, пока существуют феи и проводятся их балы, лучшей музыки никому слышать не доводилось!

Феи — очень благодарные существа при всех своих недостатках. Однажды был дан бал в честь совершеннолетия принцесс (а этого возраста феи достигают в свой второй день рождения, причём дни рождения они отмечают каждый месяц). Юные Высочества заранее пообещали Питеру, что в этот день будет исполнено его самое заветное желание.

И вот торжественный момент настал.

оролева важно прошествовала к своему трону и незнакомым величественным голосом приказала Питеру Пэну преклонить колена. После этого она произнесла длинную непонятную фразу, которую Питер по простоте душевной счёл волшебным заклинанием. Её Величество высказалось в том смысле, что за выдающиеся заслуги в культуре, музыкальном развитии фей вообще и популяризации танцевальной музыки в частности, Её Волшебное Величество высочайше соизволяет выполнить самое заветное желание своего подданного, друга и музыканта Питера Пэна.

Все эльфы и феи столпились вокруг Питера, стремясь получше расслышать его просьбу, но Питер молчал, не зная, чего же он хочет больше всего.

— Если я пожелаю вернуться к своей маме, — наконец вымолвил он, — вы сможете это исполнить?

Что и говорить, такой поворот событий поверг фей в замешательство, если не сказать — в панику. Ведь выполнив просьбу Питера, они собственноручно лишили бы себя возможности танцевать под его музыку.

Но хитрая королева презрительно вздёрнула носик и хмыкнула:

— Всего-то? Уж просил бы чего-нибудь побольше...

— А что, разве моё желание маленькое? — изумился Питер.

— Не больше, чем это, — королева соединила большой палец с указательным.

— А какого размера должно быть самое заветное? — поинтересовался Питер.

И королева указала на свой шлейф, который, по моде того времени, тянулся через весь танцевальный круг.

Что-то прикинув, Питер сказал:

— Хорошо, я согласен на два желания средних размеров вместо одного большого...

Феи были неприятно поражены сметливостью Питера, но его это ничуть не смутило. Он пожелал слетать к маме, но с правом возвращения в Сад, если вдруг эта леди окажется неподходящей. О своём втором желании он предпочёл пока помалкивать.

— Я дам тебе возможность долететь до дома, — предупредила Питера королева Меб, — но я бессильна открыть перед тобой двери...

— Когда я улётал, окно было отворено, — сообщил ей Питер, — мама всегда держит окно открытым, потому что она никогда не перестаёт ждать меня.

— Откуда ты это знаешь? — изумились феи.

Но Питер этого объяснить не мог.

Что ж, феям ничего не оставалось, кроме как сдержать честное волшеб-

ное слово. Они изо всех сил замахали крылышками, отряхивая с них пыльцу на плечи Питера. Питер почувствовал в плечах приятное жжение, а потом вдруг стал подниматься выше и выше, пока не взлетел над Садам. Порывом ветерка его подняло над крышами ближайших домов. Летать было до того восхитительно, что Питер и не подумал торопиться к дому своей мамы. Вместо этого он облетел купол собора св. Павла, слетал к Хрустальному Дворцу, на бреющем полёте спустился к самым водам Темзы и не спеша полетел вдоль неё до дворца Регента. Пока он добирался до маминого окна, у него окончательно созрело второе желание. После посещения родного дома (теперь это уже не казалось ему таким уж обязательным) Питер решил стать птицей.

...Окно было распахнуто. Свою маму он увидел сразу, как только влетел. Она спала, положив ладонь под голову, и ямка в подушке под её головой была похожа на уютное гнездо, выстеленное её благоухающими земляникой каштановыми прядями. Питер, примостившись на краю кровати, внимательно вглядывался в родное, полузабытое лицо. Впрочем, он моментально вспомнил, как она всегда распускала на ночь волосы и надевала что-то такое воздушное, с розовыми оборками, обрамлявшими нежный овал её лица. Он был счастлив, что мама его не подвела и оказалась такой симпатичной. Только печальная морщинка меж бровей немного портила её. Питер знал, когда эта морщинка поселилась на мамином лице. Одна её рука всё время беспокойно скользила по подушке, будто искала кого-то, чтобы крепко обнять. И он знал, кого она ищет и кого хочет обнять.

Он знал также, что стоит ему очень тихо позвать её и она тут же проснётся. Мамы всегда тут же просыпаются, узнавая наш зов из тысячи других. Она расплакалась бы от счастья и крепко обняла его. О! Как бы он обра-

довался! Но несравненно большую радость он доставил бы ей. Он нисколько не сомневался, что такой умный, разносторонний и необыкновенный ребёнок может осчастливить любую, даже самую придирчивую маму. Ничего не может быть приятнее, думал Питер, чем завести такого мальчика. Это не только приятно, но и лестно, почётно, а также выгодно...

Но почему же он так долго сидит на спинке кровати? Почему не крикнет наконец: «Мамочка, я вернулся!»

Если бы я сказал, что Питер окончательно и бесповоротно решил вернуться домой, то у нас получилась

бы хоть и прекрасная, но совершенно другая сказка. На самом деле Питер Пэн вглядывался то в милое лицо своей мамы, то — в ночь за окном.

Безусловно, размышлял Питер, не лишено приятности опять стать её мальчиком, но, с другой стороны, что за денёчки были в Кенсингтонском Саду! Да и уверен ли он, что ему доставит удовольствие вновь кутаться в одежду?

Он вспорхнул с кровати и открыл шкафчик. Его вещи по-прежнему лежали на месте, аккуратно выглаженные и переложенные веточками лаванды. Но он никак не мог вспомнить, что же с ними делают. Питер попытался пристроить носки сначала на руки, а потом на ноги, но и то и другое показалось ему излишним.

Возможно, Питер слишком громко пыхтел, натягивая носки, а может, скрипнула дверца шкафа, но... его мама проснулась! Он услышал, как она позвала его: «Питер!» Мама так бережно произнесла его имя, будто это самое прекрасное слово на свете.

Питер затаил дыхание, недоумевая, как мама догадалась, что это именно он. Если бы она ещё раз позвала его, то он с криком «Мамочка!» бросился бы к ней на шею, но она ничего больше не сказала, только горестно всхлипнула.

Когда Питер решился выбраться из-за дверцы шкафа и взглянуть на маму, она опять спала и только слёзы катились по её щекам. Питер был убит её горем. И, как ты думаешь, что он сделал? Он достал свою дудочку и заиграл на ней самую чудесную колыбельную, которая только звучала на этой земле. Он играл с тем же трепетным чувством, с каким мама произносила его имя. И ещё он втайне надеялся, что мама проснётся и скажет: «О Питер, как замечательно ты играешь!»

Но как только мама перестала выглядеть несчастной, Питер опять пристально вгляделся в даль за окном.

Нет-нет, он не улетит, конечно, навсегда, он твёрдо решил стать мальчиком своей мамы, но... Но что-то мешало ему сделать это прямо сейчас. Это «что-то» было его вторым желанием. Он больше не хотел быть птицей, но каким бы ни было его новое второе желание, оно не исполнится, если он не вернётся к феям. Более того, стоит ему даже отложить возвращение на короткое время, легкомысленные феи попросту забудут о своём обещании.

Он спрашивал себя, неужели он так бессердечен, что не скажет последнего «прощай» Соломону? Да и проплыть последний раз под парусом тоже неплохо...

Такие доводы в запальчивости приводил Питер своей спящей маме. «А как было бы здорово рассказать об этом приключении птицам», — радостно говорил он ей.

«Я обязательно, обязательно вернусь», — убеждал он спящую маму, направляясь к окну. И в этот момент он искренне верил, что выполнит обещание...

Ещё дважды Питер прилетал к окну своей мамы. Окно, естественно, было открыто, и Питеру ужасно хотелось залететь и поцеловать её. Но каждый раз он боялся её разбудить, поэтому играл поцелуй на дудочке, сидя на подоконнике.

Много, слишком много дней, ночей и даже месяцев пролетело, прежде чем Питер объявил феям второе желание. И я не знаю, почему он ТАК медлил. Конечно, немало времени ушло на прощанья со всеми: с закадычными друзьями, с друзьями друзей, с шапочными знакомыми. Он попрощался даже с бестолковыми утками (и напрасно, ибо через минуту после церемонии они не могли вспомнить, зачем же их побеспокоил этот непоседливый мальчишка). Питер облетел самые заветные уголки Сада, затем совершил последнее плавание, потом — самое последнее, а потом сплавал ещё раз пятьдесят в самый наипоследнейший раз. А уж

сколько прощальных балов и ужинов было дано в его честь — не сосчитать!

Ещё одна и, пожалуй, самая приятная причина его медлительности заключалась в том, что... Питеру незачем было торопиться! Ведь он знал наверняка: мама никогда-никогда не перестанет ждать его, она никогда-никогда не закроет окна.

Эта причина несказанно огорчала старого Соломона: он считал, что стыдно и вредно пользоваться ожиданием и надеждой любящих сердец. Соломон внушил птицам несколько золотых истин, помогающих им в жизни. Он говаривал: «Не откладывай на завтра то, что можешь сделать сегодня». И ещё: «Второго шанса не бывает».

Питер же легкомысленно преступал Соломоновы заповеди. А птицы, видя, что это намного приятнее, тоже становились день ото дня все более необязательными.

Феи, в отличие от Соломона, нерасторопностью Питера были довольны. Более того, они мечтали, чтобы Питер никогда не улетал из Сада и всегда играл на их балах. Коварные существа шли на всякие уловки, лишь бы подловить Питера на пустяковой фразе, типа: «Я хочу, чтобы трава не была такой мокрой». А некоторые из них специально танцевали дольше положенного, чтобы Питер сказал: «Я хочу, чтобы вы посмотрели на часы». Тогда феи сказали бы, что это и есть его второе желание. Но Питер каждый раз обманывал их надежды. И если случайно выпаливал: «Я хочу...», то тут же замолкал.

Поэтому, когда он торжественно объявил: «Я хочу вернуться к моей маме отныне и навсегда!» — феям ничего не оставалось, кроме как вновь стряхнуть пыльцу на его плечи и позволить ему покинуть Сад.

Как только Питер поднялся над Садам, он почувствовал, что очень спешит. Так сильно ему захотелось

увидеть маму плачущей от счастья. Он заранее гордился, что он — единственный человек на свете, который с лёгкостью заставит её забыть о печали и осчастливит на всю жизнь. Питер нисколько в этом не сомневался, как не сомневался и в том, что скоро, очень скоро он уютно угнездится в её ласковых объятьях. На этот раз он даже не кружил над городом, а прямоком полетел к заветному окну, которое всегда для него было распахнуто!

...Единственное окно в мире, которое ждало его на этом свете, доброе окно его самой красивой мамочки, только и мечтающей о встрече с ним...

Это окно было закрыто! Оно было заперто на засов, а для надёжности ещё и забрано железной решёткой.

Приникнув к металлическим прутьям, Питер разглядел свою дорогую мамочку.

С прекрасной, радостной улыбкой на губах, она мирно спала в своей постели! Её рука, которая обычно беспокойно искала кого-то, чтобы обнять... Эта рука крепко обнимала другого, нового мальчика!

— Мамочка! Мамочка! — закричал Питер, но она не услышала.

Напрасно царапал он ногтями замок, напрасно колотил своими маленькими кулачками по прутьям решётки...

Он медленно развернулся и полетел обратно в Кенсингтонский Сад, горько рыдая и потирая ушибленные ладошки.

Больше никогда он не видел своей мамы. Больше никогда не играл на дудочке у неё под окном. Он вообще постарался забыть, где её окно и какая она сама... А ведь он так мечтал стать для неё надеждой, опорой, гордостью и отрадой!

Увы, Питер, — слишком долго мы испытывали её любовь и терпенье, самоуверенно повторяя в мечтах красивые слова и репетируя эффектные позы... Совсем иначе представляли мы своё торжественное появление! Напрасно возлагали такие большие надежды на пресловутый «второй раз».

Эх, Питер, Питер! Не ты первый совершил эту роковую ошибку. НО — другого раза не бывает, не выпадает нового шанса — прав здесь старина Соломон. И когда мы, самоуверенные и умиротворённые, наконец добираемся до заветного окна, выясняется, что для нас наступило Время Закрытия.

А эти железные решётки, поверь моему горькому опыту, мальчик, эти железные решётки затворяются навсегда...

Глава 5

Волшебный домик

ы не найдете ни одного англичанина, который, пребывая в здравом уме и твёрдой памяти, ничего не знал бы о **МАЛЕНЬКОМ ВОЛШЕБНОМ ДОМИКЕ В КЕНСИНГТОНСКОМ САДУ**. Этот домик — единственный в своем роде: прежде всего, потому что это первое и последнее, что феи сделали не **ПОНАРОШКУ**, а **НА САМОМ ДЕЛЕ**, а во-вторых, потому что феи его сделали для... **ЛЮДЕЙ!** Впрочем, домика этого никто, кроме трёх-четырёх человек, не видел, да и те «три-четыре» не **ВИДЕЛИ** его, а в нём ночевали. Ведь когда ты спишь, то ничего, кроме снов, не видишь,

и рассмотреть хоть что-нибудь можно лишь проснувшись и отступив на шаг. А если издалека смотреть, то только огоньки в окошках разглядишь. Обычно эти огоньки видны после **Закрытия**. Многие дети замечали их. Но все эти наблюдения — сущая безделица по сравнению с тем, что довелось увидеть и пережить знаменитой Мейми Маннеринг. Именно для этой замечательной во всех отношениях девочки был впервые построен Волшебный домик. Мейми было четыре года, и днём она старалась вести себя так, как подобает леди её возраста: не запихивать в рот всё пирожное целиком, не вытирать руки о юбку и быть обходительной с няней, молочником, собакой по кличке Принц Уэ, а в особенности со своим братом Тони. Тони уже стукнуло шесть лет, и с высоты своего зрелого возраста он неустанно занимался воспитанием Мейми. Впрочем, Мейми была ему почти благодарна. Правда, правда. Ей даже льстило (хотя других это привело бы в ярость), когда Тони отвечивал ей воспитательный подзатыльник. Она всегда старалась

подражать ему, как это делают все обыкновенные девчонки. Она и была таковой. Вот, например: если они играли в мяч, то всегда продували из-за этой, с позволения сказать, Мейми, ведь когда ей посылали подачу, она и не думала её брать, а ждала, когда мяч упадет к её ногам, — и это только для того, чтобы ВСЕ увидели, что на ней новые туфли! О-бык-но-вен-на-я девчонка! Но только днём.

Стоило первым тням ночи заскользить по стенам детской, великолепный Тони терял свою безграничную власть над сестрой. Более того, он начинал поглядывать на Мейми с опаской. И неудивительно: в сумерках у Мейми появлялся особый взгляд. Это был таинственный, пристальный взгляд, который так отличался от беспокойных взоров её братца. Именно по вечерам Тони задаривал сестру своими самыми любимыми игрушками (которые утром почему-то снова оказывались у Тони), а Мейми принимала дары с этой своей загадочной улыбочкой. О-О-О! Неуклонно при-

ближалось время, когда их отсылали в постель! И уж тогда Мейми становилась просто невыносимой. Тони умолял её не делать ЭТОГО, мама и няня строго-на-строго запрещали ей ЭТО делать, но Мейми только загадочно улыбалась. И вот, когда они оставались одни при неверном свете ночника, она принималась шептать: «Т-с-с, что это, слышишь?» Тони поспешно прятался под одеяло. «Смотри, Тони, ОНО все ближе и ближе, — повышала голос Мейми, — я чувствую, ОНО подкрадывается к тебе, ОНО тянет тебя за одеяло...»

Мейми не унималась до тех пор, пока Тони с воем не срывался с кровати и, как заяц, петляя, бежал в гостиную. Когда же, в сопровождении мамы, папы, няни, собаки по кличке Принц Уэ и всех гостей, присутствующих в данный момент в доме Маннерингов, Тони возвращался в детскую, Мейми... мирно спала! Без всяких угрызений совести, представьте себе. Спала, как ангел. И это, на мой взгляд, только усугубляло её вину.

Естественно, что в Саду дети гуляли днём, поэтому Тони был неизменно важен и разговорчив. Из его речей следовало, что он очень отважный мальчик, и никто не гордился его отвагой сильнее и искренней его сестры Мейми. И уж совсем преклонялась Мейми перед решимостью Тони остаться в Саду после Закрытия. «О, Тони, — говорила она, заикаясь от уважения, — но ведь феи ужасно рассердятся!» — «Так я их и испугался!» — беззаботно отвечал Тони. «Может быть, — трепеща говорила Мейми, — Питер Пен покатает тебя на своей лодочке». — «Я думаю, мы с ним столкнемся», — отвечал Тони.

Неудивительно, что Мейми так гордилась своим братом. Однако Тони не стоило так громко хвастать своей отвагой. Как и следовало ожидать, его слышали феи, и бедному Тони от них просто житья не стало. То они подпиливали столбик газонной ограды, на которую садился

Тони, и бедняга кубарем катился в кусты. То они травинками спутывали шнурки на его ботинках. Иной раз наиболее отчаянные эльфы ставили Тони подножки, а самое подлое, что во время последних мальчишечьих соревнований эти вреднюги подговорили уток утопить именно его, Тонин, кораблик! Большинство злоключений, сваливающихся на твою голову в Кенсингтонском Саду, подстроено феями, так что, прежде чем сказать о них что-то не очень лестное, как следует оглядись по сторонам.

Мейми, сестра отважного Тони, принадлежала к числу тех приземлённых натур, которые любят превращать прекрасные мечты во что-то конкретное, им вечно нужно знать точные сроки и план действий. Тони к таким людям не принадлежал. Поэтому на вопрос Мейми: КОГДА ИМЕННО останется Тони в Саду на ночь, он лишь легкомысленно отмахнулся: ДА... КОГДА-НИБУДЬ... При этом было совершенно ясно, что КОГДА-НИБУДЬ наступит не сегодня, не завтра и даже не в ближайшую среду. Так проходила неделя за неделей. Теперь Сад сверкал снежной белизной, а Круглый Пруд сковало льдом, не настолько, правда, крепким, чтобы кататься на коньках, но камушки, брошенные на лёд уже отзывались таинственным, предрождественским звоном.

Когда Тони и Мейми пришли в Сад, они хотели немедленно бежать к пруду и камушкам, но няня заупрямилась, сказав, что ПОЛЕЗНО для моциона сделать кружок по Саду. По дороге они ещё взглянули на табличку у ворот: в этот день Сад закрывался в 17.30.

Бедная няня! Она была до этого дня такой хохотушкой! Видимо, её ужасно веселило, что вокруг носится так много непослушных детей, а ей, как никому из нянь, повезло с работой. Мейми и Тони покорно плелись рядом. Увы! ПОСЛЕ этого дня ей долго не придётся веселиться по поводу своей работы...

Итак, они прошли по Детской аллее, а когда вернулись, няня ужасно удивилась: теперь на табличке чёрным по белому было написано, что Сад закрывается ровно в 17.00. В отличие от Тони и Мейми, их няня была иностранкой и поэтому ничего не знала о проделках фей, об их фокусах с табличками накануне бала!

Няня с сожалением заметила, что у них осталось времени только дойти до Горки и обратно, так что, если дети хотят успеть забраться на Горку, то пусть бегут, а она подождёт их внизу. Эта незначительная фраза почему-то ужасно разволновала её питомцев, но няня лишь пожала плечами. Вы-то, конечно, понимаете, что детям выдался исключительный шанс своими глазами увидеть Волшебный Бал! Никогда (и Тони понимал это) больше им не выпадет такого счастливого случая.

Он весь дрожал от возбуждения. И это передалось его сестре. Её расширившиеся глаза, казалось, вопрошают: ну что, сегодня? Он шумно и тяжело вздохнул и кивнул: да, именно сегодня. Мейми порывисто пожала его руку. Ладонка Мейми горела, но ладонь Тони была холодна, как лёд. Мейми была очень доброй девочкой. Поэтому она протянула Тони свой шарф. «Тони, ты замёрз», — сказала она, при этом её лицо сияло. Лицо же Тони было пасмурным, как ноябрьский лондонский вечер. Когда они взобрались на Горку, Тони вдруг сказал: «Боюсь, няня увидит меня и всё сорвётся». О! За эти слова Мейми заужавала своего брата ещё больше. Подумать только, он боится лишь их няни, когда вокруг подстерегает столько неизвестных опасностей. Она очень громко, чтобы услышала няня, сказала: «Тони, давай наперегонки до ворот, — и шёпотом добавила: — Я побегу. А ты прячься!» И они помчались.

Тони всегда запросто перегонял Мейми, но ей даже в голову не могло прийти, что он умеет бегать с такой

бешеной скоростью. Мейми была уверена, что он хочет выиграть время, чтобы получше спрятаться...

«Молодчина!» — казалось, кричали её глаза, но вдруг чудовищное потрясение заставило свет померкнуть: вместо того, чтобы прятаться, её герой... как трусливый мартовский заяц, мчался за ворота Сада. При виде столь позорной картины Мейми беспомощно остановилась. Ощущение было такое, будто из заветного ларца высыпались самоцветы и превратились в осколки аптечных пузырьков. Нет, она не разрыдалась, хотя разочарование было велико. Назло всем малодушным трусам, она помчалась в сторону колодца Св. Говора и спряталась там вместо Тони.

...Когда няня дошла до ворот, то увидела Тони, бегущего что есть мочи. Няня решила, что и вторая её питомица бежит где-то там, наперегонки с братцем. Поэтому няня тоже поспешила покинуть Сад.

Сумерки опустились на Сад, и толпы гуляющих потянулись к выходу. Но Мейми не видела их — она крепко зажмурила глаза, чтобы из них не брызнули предательские слёзы. Когда же она наконец решила их открыть, то что-то холодное пробежало по её ногам, коснулось рук и постучалось в сердце. Это было Пустота Кенсингтонского Сада. Она услышала «дзинь-дзинь» — это прозвенел колокольчик сторожа, потом она услышала «клинг-клинг» у ближних ворот Сада, а через минуту — у дальних. Так наступило Время Закрытия.

И тут Мейми услышала чей-то скрипучий голос: — Ну вот, всё и ладненько.

Этот скрипучий, деревянный голос шёл откуда-то сверху. Она присмотрелась к старому вязу и с изумлением поняла, что он... зевает и потягивается! Она было собралась крикнуть: «Вот уж не знала, что вы умеете разговаривать», — как вдруг услышала другой, гулкий,

металлический голос, шедший, как ей показалось, от колодезного журавля:

— Я полагаю, сегодня похолодает.

И вяз ответил:

— Не очень сильно, но вы заоченеете, стоя все время на одной ноге. — И он принялся оклопывать себя руками-ветками, в точности как кэбмены, поджидающие на морозе седоков. Мейми почему-то испугалась, увидев, что и другие деревья ведут себя необычно. Она побежала по Детской Аллее, мимо Меноркийского дуба, который при виде девочки хоть и пожал плечами, но больше ничем не обнаружил своего удивления.

Должен сразу вас успокоить: Мейми совершенно не мёрзла. Под тёплым пальтишком с капюшоном на неё было наверхено такое количество шерстяных кофточек, пуховых платков и шарфиков, что она больше походила на шарик, чем на девочку четырёх лет. На Детской Аллее Мейми увидела, как магнолия и персидская сирень перебираются через ограду и, покряхтывая, отправляются на прогулку. Бузина, переваливаясь и хромая, пересекла тропинку и остановилась поболтать с молодой айвой. Обе они, как и сирень, и магнолия, опирались на палки, которыми огораживают саженцы. Мейми раньше не понимала, для чего эти палки нужны. Она побрела дальше и тут увидела... первую в своей жизни фею. Вернее, это был мальчишка-эльф, который бежал впереди неё и захлопывал ивы. Он нажимал на пружинку в стволе и ивы захлопывались, как зонтики, осыпая всё вокруг снегом с ветвей.

«Ах ты, негодник!» — закричала Мейми, ибо она прекрасно знала, как противно, когда капли с зонтика падают тебе за воротник. К счастью, озорник был уже далеко и не услышал Мейми, зато её прекрасно слышала хризантема. «Что же это творится?» — воз-

мутилась она. И вскоре всё растительное общество собралось вокруг девочки.

— Конечно, это не наше дело, — заявили ей, пошептавшись между собой, самые старые деревья, — но нам кажется, что вы не имеете права находиться здесь в столь неурочный час и, скорее всего, к глубокому нашему сожалению, мы должны сообщить об этом досадном недоразумении феям. Что вы сами об этом думаете?

— Я думаю, — твёрдо сказала Мейми, — что так делать не следует.

Это несколько сбило деревья с толку.

— Я бы не стала вам перечить, — уверила их Мейми, — если бы была неправа.

Старые деревья ещё долго качали кронами, присвистывали и шептали: «Ну и дела», «Такова жизнь», но Мейми вдруг стало жалко тех из них, которым не на что было опираться, и она сказала с состраданием:

— Прежде чем отправиться на бал к феям, я была бы счастлива прогуляться с вами по аллее. Пожалуйста, не откажите в любезности, обопритесь на меня...

И она около часу сопровождала их в прогулке вдоль аллеи, поддерживая за ветви и помогая переставлять скрюченные корни. С экзотическими деревьями она вела беседу на изысканном английском, как учили её взрослые разговаривать с иностранцами. Правда, она так старалась, что не поняла ни слова ни в их ответах, ни в своих собственных, ужасно замысловатых вопросах. В общем, они остались довольны друг другом, хотя некоторые деревья капризно укоряли Мейми, что она с Дороти и Грейс прошлась дальше, чем с ними. А некоторые кололи её своими шипами, — конечно, не нарочно, и Мейми была слишком воспитанной леди, чтобы расплакаться из-за такой ерунды.

Единственное, что её беспокоило, так это бал. Ведь время наступило вполне бальное. А больше ничего в

ночном безлюдном Саду она не боялась. Страх исчез, потому что наступила ночь, а в темноте, как вы знаете, Мейми становилась странной девочкой.

Деревья ни за что не хотели отпускать её. «Если феи увидят тебя, то обязательно зацепят до смерти... или приставят навсегда нянькой к своим детям... или превратят тебя во что-нибудь ужасно скучное, например, в вечнозелёный дуб», — и все деревья устремили нарочито сочувственные взоры на вечнозелёный дуб. Сами-то они дрожали своими голыми ветками и страшно завидовали всем вечнозелёным.

— Ой-ой-ой, — язвительно ответил дуб, — как это скучно: стоять здесь застёгнутым на все пуговицы и любоваться вечно дрожащими голыми созданиями!

Эту фразу деревья не без основания приняли на собственный счёт, и настроение у них испортилось. Они мрачно посулили Мейми все мыслимые ужасы, если она только посмеет сунуть нос на бал.

От лиловой лещины девочка узнала, что двор сейчас не в самом лучшем настроении. Причиной тому — несокрушимое сердце Герцога Рождественских Маргариток. Он был Восточным эльфом, невыносимо капризным, самолюблённым и безразличным к другим. Королева Мэб, правительница Сада, была уверена, что её дочери очаруют Герцога, но — увы! Его сердце, как констатировал личный доктор Герцога, оставалось совершенно холодным. Этот пожилой и сведущий в вопросах исцеления недугов эскулап исследовал сердце своего пациента всякий раз, как тому представляли очередную хорошенькую придворную, затем доктор разочарованно тряс своей лысой головой: «Холодно, совсем холодно!» Королева Мэб была просто вне себя, она, во-первых, приказала придворным плакать целых девять минут, а затем всю ответственность за происходящее возложила на Купидонов и принудила их носить дурацкие колпачки, пока сердце Герцога не оттаяет.

Обнаружить место проведения бала оказалось не-сложно: из всех населённых феями и эльфами уголков Сада к нему тянулись цветные ленточки, чтобы приглашённые шли по ним, как по дорожкам, не боясь испачкать платье.

В этот раз ленточки были красными и замечательно смотрелись на белом снегу.

Мейми пошла вдоль одной из них, стараясь держаться в тени деревьев, и вот наконец она увидела длинную вереницу фей.

Впереди бежали шесть слуг и расчищали дорогу, за ними следом — шесть фореиторов, и столько же замыкали шествие. В середине шествовала Первая Фрейлина в платье с длинным шлейфом, а в этом шлейфе, поддерживаемом двумя пажами, как в гамаке восседала прелестная юная фея. Она была укутана в золотой дождь, но самым примечательным в ней была её шея — бархатистая на ощупь и благородного тёмно-синего цвета.

Такая шея наилучшим образом оттеняет роскошные бриллиантовые украшения. Перед балом все знатные феи слегка покалывают свои шеи пёрышками — так, чтобы к коже прилила их аристократическая голубая кровь. Не верите? Тогда загляните в витрины ювелирных магазинчиков — вы увидите там синие бархатные бюсты, увешанные драгоценностями. Ювелиры позаимствовали этот секрет у фей.

Мейми отметила, что все участники процессии были чем-то раздражены и феи задирали свои носики даже выше, чем это считается у них приличным. Мейми, посмотрев на их надменные мордашки, решила, что непомерно задранные носы — ещё одна причина, по которой сердце Герцога остаётся холодным.

И вдруг возле мостика через подсыхающую лужу Мейми заметила ещё одну фею. Но Боже, в каком

плачевном виде она была! Бедняжка свалилась в липкую прибрежную грязь и отчаянно барахталась там, увязая все глубже.

Мейми, с присущим ей добросердечием, кинулась на помощь малютке, чем напугала её до полусмерти. Впрочем, уже через минуту фея преспокойно сидела у неё на ладонке и весело болтала. Она сообщила Мейми, что зовут ее Брауни, Брауни-Смуглянка, что она — простая уличная певичка, но всё равно направляется на бал. Глупо не попытать счастья. А вдруг Герцог выберет её?!

— Конечно, — вздохнула Брауни, — для Герцога я слишком проста...

Девочка смутилась — для феи её знакомая и правда была довольно неказиста, поэтому Мейми замялась с ответом.

— Я вижу, вы тоже думаете, что у меня нет никаких шансов, — в отчаянии воскликнула Брауни.

— Я этого не сказала, — уклончиво ответила Мейми. — Конечно, ваше лицо и впрямь простовато, но... — Мейми умолкла, ругая себя за чудовищную бестактность.

К счастью, она вспомнила один случай с её папой. Как-то раз он пошёл на благотворительный вечер, где самые знаменитые леди Лондона, точнее, жёны самых знаменитых джентльменов, а также их дочери, сёстры и прочие родственницы в бриллиантах и перьях старались обратить на себя всеобщее внимание в надежде на главную награду сезона — титул Королевы Бала. При этом им надо было ещё прикидываться добрыми — в специальные бархатные мешочки, вышитые золотыми нитками, они собирали мелкие монеты на строительство приюта для сирот... Папа вернулся домой поздно и в плохом расположении духа. Но вместо того, чтобы сде-

лать маме замечание, что она не следит за модой, чурается общества и сидит тут со штопкой у камина, он вдруг кинулся к ней, расцеловал в обе щеки и воскликнул:

— Ты не представляешь, дорогая, как приятно снова увидеть нормальное человеческое лицо!

Мейми рассказала эту историю исключительно для того, чтобы немножко утешить Брауни, но на фею рассказ произвёл неожиданное впечатление: теперь она **НЕ СОМНЕВАЛАСЬ**, что Герцог выберет именно её! Она вприпрыжку поскакала по ленточке, крикнув напоследок, чтобы Мейми не вздумала идти следом, а то Королева Мэб её накажет. Но Мейми уже видела невдалеке волшебное сияние, и ничто не могло заставить её отступить. Она подкралась поближе и спряталась в тени испанских каштанов.

Огоньки исходили от тысяч светлячков, которые, цепляясь друг за друга, образовывали причудливые гирлянды над танцевальным кругом. Толпы эльфов и фей пришли поглазеть на празднество, но все они держались в сторонке и были одеты попроще, чем знатные особы внутри круга. Мейми даже прищурилась, ослеплённая блеском этих сиятельных особ.

Её очень рассердило то, как вызывающе демонстрировал своё равнодушие Герцог Рождественских Маргариток. Холодность сквозила в каждой чёрточке лица Его Мрачной Светлости. Самые прелестные феи подходили к Герцогу, надеясь на его одобрение, и раздражались слезами даже прежде, чем прислуга выкрикивала: «Следующая!», ибо приговор заранее был написан на скучающем лице капризного эльфа.

Особенно Мейми стало жаль Купидонов. Они робко жались в самом тёмном месте и, услышав очередное «холодно, совершенно холодно», все ниже и ниже опускали свои попавшие в немилость милые головки в дурацких колпачках.

Мейми ужасно расстроилась, не обнаружив на балу Питера Пена. Дело в том, что как раз в эту ночь его лодочку затёрло льдинами на Серпантине, и он храбро боролся со смертельной опасностью, разбивая лёд своим понарошечным веслом. Феи вряд ли заметили его отсутствие, потому что были неспособны танцевать, так тяжело было у них на сердце. Они забывают про танцы, когда печальны, и вспоминают, когда веселы. Дэвид сказал мне как-то, что феи обычно не говорят: «мы счастливы», а говорят: «мы танцевальны».

Итак, все выглядели весьма нетанцевально, как вдруг весёлый, звонкий смех нарушил гробовое молчание. Конечно, это появилась смуглянка Брауни и решительно заявила о своём желании быть представленной

Герцогу. Мейми подалась вперёд, приготовившись увидеть, как развернут её подружку, потому что у бедняжки действительно не было никаких шансов. Ведь она выглядела такой нелепой и жалкой. Это все понимали и начали сочувственно (а кое-кто и злорадно) шушукаться. Всем всё было ясно. Всем, кроме... Брауни. Она весело и уверенно приблизилась к Герцогу. И вот в полной тишине она предстала пред ним. Вот доктор привычно приложил палец к сердцу Его Светлости, которое лежало в специальном нагрудном кармане, украшенном позументом. Вот он начал было привычно выкликать: «Холодно, совершен...», и вдруг потрясённо умолк.

— Что это? — воскликнул он и даже потряс сердце возле уха, как трясут испортившиеся часы. — Чёрт побери! — завопил он, и тут поднялась невообразимая суматоха. Многие феи попадали в обморок. Оставшиеся, затаив дыхание, уставились на Герцога, а тот смертельно побледнел и выглядел так, будто собирался убежать куда глаза глядят.

«Неужели свершилось?» — слышалось бормотание доктора. Теперь сердце Герцога пылало огнём, и доктор, поспешно отдёргнув палец, сунул его в рот. Потом громким и торжественным голосом доктор объявил: «Мой Господин и Повелитель!.. — и добавил, утирая слезу умиления, — мой дорогой Герцог! Наконец-то я имею честь объявить Вам, что Вы, Ваша Светлость, влюбились!» Что тут началось! Брауни протянула Герцогу руки, и тот заключил её в объятия. Королева схватила за руки лорда Чемберлена; придворные дамы и кавалеры тоже взялись за руки, потому что по правилам двора все должны следовать примеру Королевы. В этот исторический момент было сговорено около пятидесяти свадеб, — ведь по обычаю фей, если вы взяли кого-то за руку, то должны немедленно пожениться. Конечно, если при этом

присутствует священник или юрист. Все ликовали и обнимались! Забили барабаны, выглянула луна, и немедленно сотни пар обмотались её лучами, как в Майский праздник влюбленные парни и девушки связываются ленточками. И вот уже феи и эльфы понеслись по кругу в вихре вальса. В довершение всеобщего ликования Купидоны сорвали с себя ненавистные колпачки...

Но тут Мейми вышла и всё испортила!

Она ничего не могла с собой поделать. Она просто голову потеряла от радости за свою маленькую подружку. Сделав несколько шагов вперёд, девочка восторженно воскликнула:

— О Брауни, какое счастье!!!

...Все замерли. Музыка оборвалась. Огоньки погасли. Мейми вдруг остро осознала опасность своего положения, слишком поздно вспомнив, что она всего-навсего маленький ребёнок, заблудившийся в таком месте, где людям запрещено появляться от Закрытия до Открытия. Она услышала сердитое бормотание тысяч маленьких существ, она увидела, как блеснули в свете луны острые мечи и шпаги эльфов... Мейми громко вскрикнула от ужаса.

Как она бежала! Без оглядки. Не чуя под собой ног. Много раз падала, но тут же вскакивала и бежала дальше. От страха она перестала понимать, где находится. Единственное, что она сознавала вполне отчетливо, — это то, что ей ни в коем случае нельзя останавливаться. Поэтому, когда она свалилась, как подкошенная, и заснула на Фиговой Аллее, то всё ещё продолжала перебирать ногами, даже во сне спасаясь от погони.

Мейми думала, что снежинки, падающие ей на лицо, — это нежные мамины поцелуи на сон грядущий. Ей казалось, что огромный сугроб, растущий над ней, — это тёплое одеяло, и она старалась натянуть его на голову. А когда сквозь дрему Мейми слышала голоса,

то решила, что это мама привела папу к дверям детской посмотреть, как сладко спит их дорогая доченька. Но это были не мама с папой. Это были феи...

Я хочу вас успокоить: феи больше не горели желанием расправиться с Мейми. Сначала, когда она в испуге убежала, все маленькие существа испытывали единственное желание: наказать дерзкую девчонку! Превратить её во что-нибудь противное! Но исполнение этого намерения несколько задержалось из-за споров, кто возглавит преследование. Даже самые кровожадные эльфы и феи предпочитали уступить это право кому-нибудь другому. Пока все препирались, Герцогиня Брауни протиснулась к Королеве Мэб и потребовала исполнить её желание.

Каждая невеста имела право на такой свадебный подарок от Королевы. У Брауни была единственная просьба — чтобы Мейми даровали жизнь.

— Что угодно, только не это, — вскричала раздосадованная Королева, и все придворные эхом повторили её слова. Но когда они услышали, при каких обстоятельствах Брауни свела знакомство с Мейми, феи и эльфы огласили окрестности троекратным «ура» в честь благородного человеческого существа. В строгом боевом порядке они двинулись вслед за Мейми, чтобы выразить ей свою благодарность. Королева и её советник, Лорд Чемберлен, возглавляли шествие, а над ними вилась живая гирлянда из светлячков. Они быстро нашли Мейми по цепочке следов.

И хотя девочка спокойно лежала глубоко под снегом на Фиговой аллее, отблагодарить её представлялось совершенно невозможным, потому что никто не мог её разбудить.

Волшебный народец всё же попытался поприветствовать девочку — юный король залез к ней на плечо и зачитал длинную речь, но она не услышала ни слова. Тогда

феи и эльфы освободили Мейми от снега, но вскоре её снова замело. Тут они встревожились не на шутку. Все поняли, что человечьему ребёнку угрожает страшная опасность — замёрзнуть насмерть! Эльфы предприняли героическую попытку отнести девочку в защищённое место, но — увы! — она была слишком тяжёлой даже для непобедимой армии Её Величества. И вот уже некоторые дамы начали печально сморкаться в свои платочки, как вдруг купидонам пришла в головы гениальная идея:

— Постройте вокруг неё домик!

И, конечно, именно теперь всем стало ясно, что это — как раз то, что каждый из них имел в виду, и, более того, это — единственное, что спасёт несчастного ребёнка от неминуемой гибели! Моментально сотня эльфов-дровосеков оседлала ветки ближайших деревьев, архитекторы забегали вокруг Мейми, снимая мерки, тут же у её ног была расчищена стройплощадка, семьдесят пять каменщиков притащили камень для фундамента, и Королева торжественно заложила его. Словно в волшебном сне вокруг Мейми выросли строительные леса, ночной Сад огласился стуком топоров, визгом пил и рокотом отбойных молотков. Вы бы не успели и глазом моргнуть, как чудесный домик был готов, крыша покрыта черепицей, окна застеклены...

Получился он как раз по размеру Мейми. Одна её рука была откинута во сне, но это ничуть не смутило строителей. Более того, это дало феям и эльфам прекрасную возможность пристроить к домику веранду с цветными окошками, прикрыв заодно и руку от непогоды. Правда, окошки в домике были размером с картинку в детской книжке, а дверь — меньше форточки в человеческом доме. Маленькие существа бурно радовались собственной сообразительности. Не в силах остановиться, они добавляли к домику новые и новые детали.

Двое юных и прекрасных, как крестоносцы в Энциклопедии, эльфов залезли на крышу и приладили там трубу.

— Боюсь, что это всё, — грустно сказал один из них.

— Ну нет, — возразили двое других эльфов. Они в свою очередь забрались на крышу и запустили в трубу дымок. — Вот теперь закончено, — сказали они.

— Не совсем, — заметил светлячок. — Если девочка проснётся, то испугается темноты. Я буду её ночником.

— Минуточку, — окликнул его иностранный эльф, китайский купец, — я приготовлю вам исключительно душистое ламповое масло.

Теперь, увы, дело было сделано.

Впрочем, нет! Подождите!

— Как можно было забыть о колокольчике у двери? — возмутился литейщик. И он навесил звонкий латунный колокольчик. Жестянщик навинтил у порога скребок для обуви. Пожилая фея, завсегда тай благотворительных базаров, принесла полосатый коврик для ног. Бочары прикатали кадку для дождевой воды. Художники расписали её весёлыми красками. Ну теперь уж точно всё.

— Как же — всё! Как может быть «всё», я вас спрашиваю? — негодуяще вопрошал водопроводчик, — Ведь ещё не подведена горячая и холодная вода! — И он подключил воду.

Подошла бригада садовников с семенами, саженцами, луковицами и клубнями. С лопатами, лейками, газонокосилками и покрытием для теплиц. И вот справа от террасы раскинулся цветник, а слева — огород. Не прошло и пяти минут, как всё буйно расцвело.

О! Теперь волшебный домик был чарующе прекрасен! И тут всем стало ясно, что дело подошло к концу. Феи стали неохотно расходиться. Они вспомнили, что бал не закончен, и это их немного утешило. Последней уходила — угадайте кто? — конечно, Брауни.

Юная Герцогиня. Она отстала на секундочку от своего влюблённого мужа, взлетела на крышу и спустила вниз по дымоходу самый чудесный сон для Мейми.

Всю ночь удивительный домик простоял в Кенсингтонском Саду, охраняя покой Мейми. Она досмотрела волшебный сон и проснулась от робкого стука. Это новорожденное утро стучалось в её окно. Потом она опять провалилась в сладкий сон и сквозь дрему позвала: «Тони!» Поскольку Тони не отозвался, она резко села, упершись головой в крышу, и домик открылся, как коробка с рождественским подарком. Каково же было изумление Мейми, когда она увидела Кенсингтонский Сад, занесённый снегом! Он ни капельки не был похож на её детскую. Он не был похож на детскую до такой степени, что девочка усомнилась, что она — это на самом деле она. Мейми ущипнула себя за щеку и взвизгнула от боли. Сомнений не оставалось — это была она, собственной персоной. Но как же она очутилась в таком восхитительном месте? Мейми перешагнула через стену и обернулась. И наконец-то разглядела свой ночной приют.

— Боже, какое чудо!

Возможно, человеческий голос испугал домик, а может быть, он понял, что его задача выполнена, только, пока Мейми восторгалась им, домик стал уменьшаться. Он съеживался так медленно, что Мейми сначала этого не заметила. Но вдруг она поняла, что домик явно маловат для неё. Он по-прежнему был целёхонек, только размером не больше собачьей конуры. Потом окошки, труба на крыше, бочка под водосточной трубой, а также сад с огородом ещё чуть-чуть уменьшились... И вот уже домик не больше коробки из-под торта! А снег продолжает наступать на него с четырёх сторон. Хотя ещё слышен звон колокольчика на ветру и розы цветут под окном, но свет светлячка уже меркнет в предутренней мгле.

— Домик, миленький, не исчезай! — заплакала Мейми. Она упала на колени, потому что теперь домик был не больше катушки для ниток. Но едва Мейми протянула к нему ладошки, сугробы зимнего Кенсингтонского Сада сомкнулись. Вокруг не было ничего, кроме гладкого, не тронутого следами снежного покрывала.

Мейми с досады принялась топтать ножками (она знала, что это недопустимое поведение, но ведь рядом не было никого, кто мог бы НЕ ДОПУСТИТЬ!). Потом она уткнулась лицом в ладони и горько заплакала. Поскольку горе её было БЕЗМЕРНО, то и плакать она собиралась как минимум ВЕЧНОСТЬ. Но вдруг она услышала чей-то сочувственный голосок:

— Не плачь, маленький человечек, не надо...

Она обернулась. Слезы, которые она намеревалась лить вечно, мгновенно высохли. Перед ней стоял прекрасный маленький мальчик, глаза у него были странные и ясные, как звёзды. Кудри нежные и спутанные, как ветви ветел на ветру. Руки у него были в цыпках. Мейми видела этого мальчика первый раз в жизни, но знала его всегда.

Это был Питер Пен.

Глава 6

Питер Пэн и его волшебный резвоногий козлик

онечно, Мейми слегка растерялась. И даже чуточку испугалась. Её, в общем-то, легко понять.

Но Питер Пэн не знал, что такое страх.

— Я надеюсь, вы хорошо провели сегодняшнюю ночь? — любезно поинтересовался он. Впрочем, в этом он нисколько не сомневался, ибо феи уже успели ему все уши прожужжать про свой замечательный домик.

— Спасибо, — не уступила ему в вежливости Мейми, — мне было очень уютно и тепло, а вот ты... — она поглядела на голенького Питера и поёжилась, — ты, наверное, умираешь от холода?

«Холод» было одно из тех слов, которые Питер нацисто позабыл. Поэтому он ответил уклончиво:

— Я думаю, что нет, хотя могу и ошибаться. Видите ли, моё образование оставляет желать лучшего. Собственно говоря, я ведь даже не мальчик, в строгом смысле этого слова. Соломон говорит, что я — Ни то Ни сё, типичный представитель Серединки-Наполовинку...

— Так вот, оказывается, как это называется, — задумчиво произнесла Мейми.

— Не подумайте только, что это моё имя, — поторопился объяснить он, — зовут меня Питер Пэн.

— Да, конечно, — согласилась она, — я знаю это. Кто же этого не знает?

Вы себе даже представить не можете, как приятно было Питеру, что люди по Ту Сторону Ворот знают о нём. Это так понравилось нашему Серединке-Наполовинку, что Мейми пришлось битый час расписывать, КАК и ЧТО ИМЕННО знают люди о Питере Пэне. Всё это время они сидели на поваленном дереве, причём

Питер старательно очистил от снега место для Мейми, а сам плюхнулся прямо в сугроб. Бедняжка Мейми! Она дрожала от одного вида Питера.

— Давай обнимемся, тебе сразу станет теплее, — сказала Мейми.

— А как это?

Мейми показала, и Питер не без удовольствия последовал её совету. Так они и сидели посреди притихшего, предутреннего Сада — крепко обнявшись и мило болтая. Питер нашёл, что люди действительно много о нём знают, но — увы! — их сведения несколько устарели. Они были, как минимум, столетней давности! Например, люди не знали, что Питер летал к своей маме, а та отгородилась от него. Тем не менее, рассказывать об этом Мейми он не стал, потому что до сих пор ещё чувствовал себя уязвлённым.

— Все ли знают, что я играю в человеческие игры, почти совсем как настоящий мальчик? — раздуваясь от гордости, спросил Питер.

Но когда он поведал Мейми, КАК ИМЕННО он это делает — как запускает обруч в Круглый пруд, как играет в прятки, что делает с ведёрком, — Мейми ПРОСТО УЖАСНУЛАСЬ!

— Все правила, по которым ты играешь, ну ни капельки не похожи на настоящие, — вытаращив глаза, прошептала она. — Настоящие мальчики играют совсем по-другому!

Несчастный Питер издал короткий горестный стон и разразился бурными слезами. Мейми почувствовала себя не только гадкой, заносчивой и невоспитанной девочкой, но ещё и совершенно несчастной. Она протянула всхлипывающему Питеру свой носовой платок. Слезы его тут же высохли, и он начал с неподдельным интересом изучать занятную вещичку. Тогда Мейми показала ему, как этим пользоваться, промокнув по оче-

реди оба своих глаза. «Теперь ты», — подбодрила она Питера. Но вместо того, чтобы вытереть свои глаза, Питер осторожно утёр глаза Мейми, а она сделала вид, что именно это и имела в виду.

Умирая от жалости к Питеру, девочка решилась на самую большую жертву. Она некоторое время ковыряла носком ботинка снег, потом, чтобы скрыть смущение, откашлялась и произнесла:

— Если хочешь, я могу подарить тебе поцелуй.

Питер когда-то знал, что такое «поцелуй», но он уже очень давно позабыл, что означает это чудесное слово. Поэтому, вежливо сказав «спасибо», он протянул руку, думая, что она собралась что-то туда положить. И вот тут-то Мейми sluкавила — не потому, что побоялась обидеть Питера, а просто постеснялась сказать ему правду. С прелестной, свойственной лишь женщинам хитринкой, она вручила Питеру напёрсток, по странной случайности оказавшийся у неё в кармане: «Вот он, поцелуй».

Милый несмышлёныш! Он принял эту уловку за чистую монету, и по сей день носит на пальчике напёрсток, хотя трудно представить себе существо, которому эта вещь была бы нужна меньше, чем ему.

Вы, конечно, понимаете, что хотя Питер и оставался маленьким мальчиком, на самом деле мимо пронеслось много времени. И я осмелюсь предположить, что младенец, заменивший Питера его маме, давным-давно стал джентльменом и носит усы.

Но вы не думайте, что одинокий, вечно маленький Питер заслуживал только жалости! Нет, во многом он был достоин восхищения. Мейми, например, очень скоро это поняла. Её глаза засияли от восторга, когда он поведал о своих похождениях. Особое же впечатление на неё произвёл рассказ о героическом плавании в дроздином гнезде между Островом и Садам.

— Как романтично! — воскликнула Мейми.

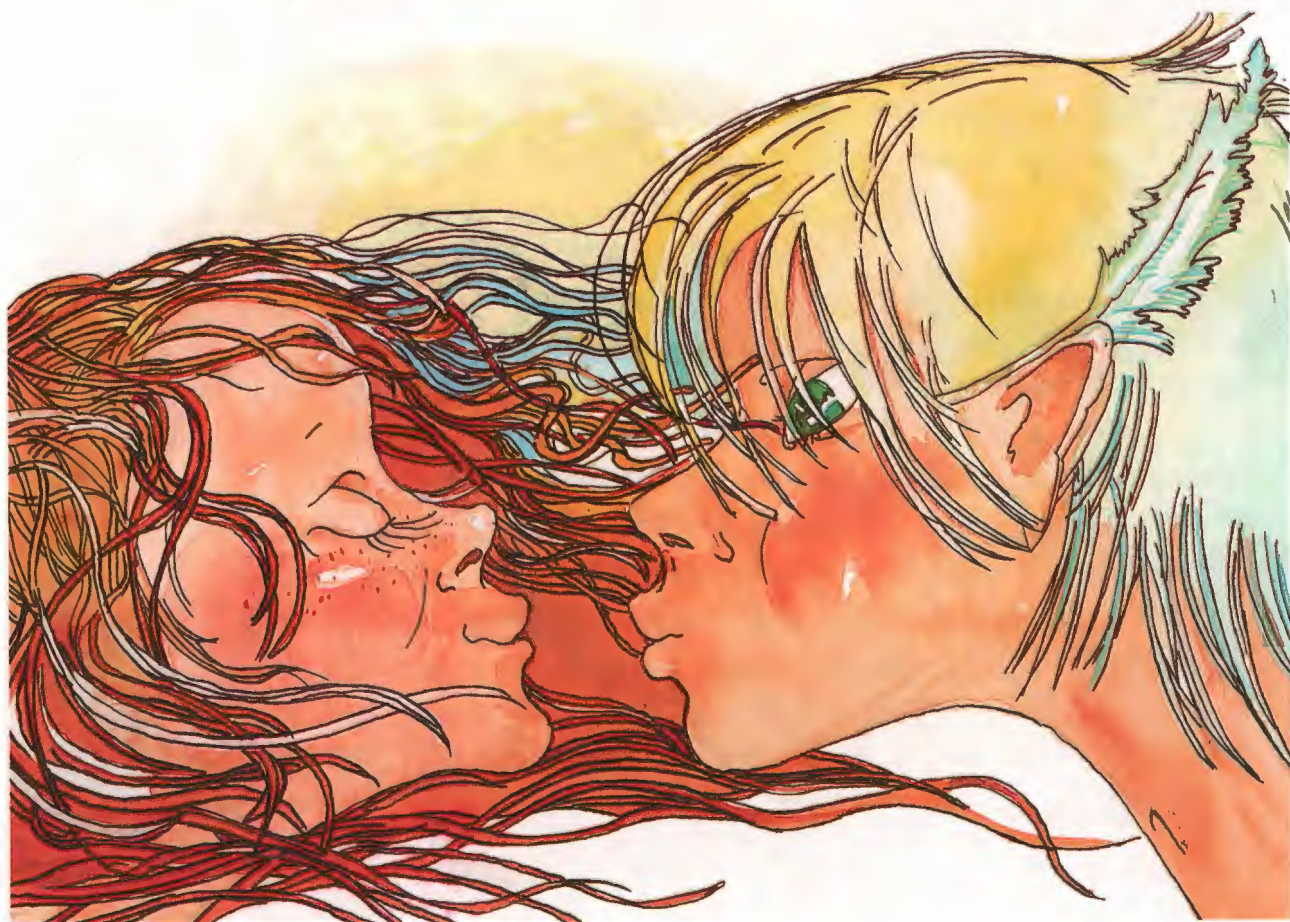
К сожалению, порой очень трудно бывает прийти к взаимопониманию. Питер Пэн и этого слова тоже не знал. Он понурил голову, решив, что девочка его осуждает или даже — о ужас! — презирает за столь жалкое судёнышко.

— Я полагаю, твой Тони так никогда бы не сделал? — застенчиво поинтересовался он.

— Никогда! НИ-КОГ-ДА! — убеждённо заявила Мейми. — Он бы просто струсил!

— Что значит «струсил»? — с интересом спросил Питер. Он решил, что это очень приятное и похвальное занятие. — Я надеюсь, ты научишь меня «трусить»?

— Я уверена, что никто и никогда не сможет научить тебя этому, — с обожанием ответила Мейми. Но Питер подумал, что она окончательно уверилась в его тупости.

Девочка рассказала Питеру о Тони и о своих проказах по ночам, которых так боялся её братишка, но Питер совсем запутался в незнакомых словах и сказал с завистью:

— О! Как бы я хотел стать таким же отважным мальчиком, как Тони!

Это вывело Мейми из себя:

— Да ты в двадцать тысяч раз отважней Тони, дуралей ты этакий! Разве трудно понять — **ТЫ САМЫЙ ХРАБРЫЙ МАЛЬЧИШКА НА СВЕТЕ!!!**

Питер долго и недоверчиво смотрел на девочку, а когда наконец понял, ЧТО она сказала, издал радостный боевой клич.

— ...И если хочешь, — потупив глаза, добавила Мейми, — ты можешь подарить мне поцелуй...

Питер начал неохотно стягивать с пальца напёрсток. Он решил, что Мейми передумала расставаться со столь ценной вещицей.

— О нет! Я совсем не это имела в виду, я имела в виду не... поцелуй. Я хотела сказать — напёрсток. Подари мне напёрсток!

— А это ещё что такое? — опешил Питер.

— Вот что это такое, — Мейми набрала побольше воздуха и чмокнула Питера в щеку.

— Хм... Да я с огромным удовольствием подарю тебе напёрсток, — расплылся в улыбке Питер и осторожно поцеловал Мейми. И тут блестящая идея пришла ему в голову:

— Знаешь что, Мейми, а давай с тобой поженимся!

Вам это может показаться странным, но точно такое же предложение было готово сорваться с губ Мейми.

— Да я бы с удовольствием, — ответила она, — только хватит ли нам двоим места в твоей лодочке?

— Хватит. Если мы покрепче обнимемся...

ослушай, Питер, — сказала Мейми, когда они направлялись к берегу (причём произнесла таким тоном, который, по её мнению, должен быть у невесты — то есть несколько жеманно и капризно), — а как ко мне отнесутся твои птицы?

Питер горячо заверил свою драгоценную Мейми, что птицы будут от неё без ума, хотя и не был в этом абсолютно уверен. Впрочем, зимой на Острове было совсем немного птиц.

— Конечно, они захотят, чтобы ты им подарила вот это... — вымолвил Питер с замиранием сердца и погладил мех на её воротничке.

— Ах! Какой ужас!.. — у Мейми не хватило даже специального «невестиного» голоса, чтобы выразить негодование.

— Видишь ли, — попытался Питер защитить своих друзей, — им всё время приходится думать о гнёздах.

— Они... Они не посмеют! Тронуть! Мои! Меха! — «невестин» голос Мейми сорвался на противный девчачий визг. Она раздражённо топнула ножкой.

— Нет, конечно, нет, — согласился Питер, поглаживая её воротничок. Глаза его при этом как-то странно блестели. — Мейми, знаешь, почему я полюбил тебя? — восхищённо спросил он. — Потому что ты похожа на прелестное гнёздышко!

— Ты сейчас рассуждаешь точь-в-точь, как твои драгоценные птицы, а не как мальчик, причём собравшийся обзавестись собственной семьёй, — несколько сварливо заметила Мейми.

Питер и впрямь сейчас походил на несчастного нахохлившегося птенца.

— ...Кроме всего, ты ведь и есть только «Серединка-Наполовинку»...

Н-да-а-а... Какую глупую игру затеяла наша Мейми Маннеринг! Ей совсем не идёт эта дурацкая роль. А Питер! Видели бы вы, как он расстроился. К счастью, «невестин» голос скоро опротивел и самой Мейми. А как только она увидела, до чего довела Питера, то постаралась тотчас исправить ситуацию.

— Питер! Не принимай мои слова близко к сердцу. По правде, я так не думаю. Наоборот, я считаю, что это замечательно — быть сразу и тем, и другим!

— Мейми, правда? Ну так я приглашаю тебя стать «и тем и другим», пойдём же, — умоляюще прошептал Питер, и они отправились к лодке, потому что всё ближе и ближе подступало время Открытия Ворот.

— Ты ни капельки, ни капельки не похожа на гнездо, — горячо уверил он Мейми.

— Да брось, Питер, это же такая мелочь, — великодушно отмахнулась девочка, — И хоть я не собираюсь отдавать птицам свои меха на гнёзда, — лукаво добавила она, — но я разрешу им высиживать яйца у меня в воротнике.

От этой идеи Мейми ужасно развеселилась и даже захлопала в ладоши.

— Представляешь, как будет замечательно: у меня вокруг шеи, как бусы, на беличьем меху будут лежать чудесные крапчатые яички!..

...Но когда они почти дошли до Серпантина, по лицу Мейми пробежала странная тень. Она вдруг пробормотала:

— Я, конечно, буду часто-часто навещать свою мамочку. Ведь это вовсе не значит, что я распрощалась с ней навсегда, этого просто быть не может. Это НЕВОЗМОЖНО!!!

— Конечно, дорогая Мейми, — успокоил её Питер. — Ты непременно станешь её навещать... — Хотя в глу-

бине души он был уверен, что именно это и НЕВОЗМОЖНО. Он бы не стал скрывать от неё правду, если бы любил её хоть вот на сто-о-олечко меньше. Он очень боялся её потерять. Питер не был трусом, это всем известно. Просто он чувствовал, что не сможет прожить без Мейми ни одной минуты.

«Она забудет со временем свою маму и будет счастлива только со мной», — убеждал себя Питер, всё быстрее и быстрее увлекая за собой по тропинке ненаглядную невесту.

Как только Мейми увидела гнездо, привязанное к прибрежному камышу, она забыла обо всём на свете и принялась пританцовывать от восторга рядом с лодочкой. Но вот она устала от потока собственных восторженных признаний и... опять вспомнила о маме. Голос её задрожал:

— Ты сможешь жить спокойно, Питер, зная, как болит моя душа? Ведь я никогда не буду счастливой, если не смогу навещать мамочку, как только соскучусь. Пообещай мне, Питер, что будешь отпускать меня к ней!

Он пообещал. Но почему-то не выдержал её взгляда и отвёл глаза.

— Да навещай, сколько влезет, — буркнул он, — если ты и впрямь веришь, что твоя мамочка без тебя не обойдётся...

— Моя мама всегда будет ждать меня!.. — отчаянно крикнула Мейми, и лицо её смертельно побледнело.

— Если только не загородится железными ставнями, — горько съязвил Питер.

— Дверь в моём доме будет всегда открыта, — как заклинание шептала Мейми, — и моя мама всегда будет стоять на пороге и из-под руки высматривать меня...

— Ну так смелее прыгай в лодку! — не без злорадства крикнул Питер. — Ты можешь спокойно провести со мной целую вечность, раз так уверена в своей мамочке. Она же обязательно тебя дожждётся! — И Питер, уже стоя в Дроздином Гнезде, нетерпеливо протянул Мейми руку.

— Но почему ты не решаешься поднять глаза? — спросила Мейми, опираясь на его руку.

Питер очень старался не смотреть в глаза. Потом он постарался не дышать... Он понимал: ещё секунда — и его счастье может развеяться, как предутренний сон... Но тут громкий, отчаянный стон вырвался из его груди, он выпрыгнул из лодки и, такой маленький, несчастный, ничком повалился на снег.

Взволнованная не на шутку Мейми бросилась к Питеру:

— Питер, миленький! Ради Бога! Что случилось? — растерянно повторяла девочка.

— Единственная, любимая моя Мейми, — рыдал он, и перед его мысленным взором уже рушились самые прекрасные, самые заветные мечты. — Тебе ни за что на свете нельзя связываться со мной, если ты надеешься вернуться к своей маме. Твоя мама... — и тут он разрыдался с новой силой. — Да ты себе представить не можешь, как коварны эти мамочки!

И он (против своей воли, но по законам чести и морального долга) рассказал ей душераздирающую историю про свою маму, про железные решётки на окне, про свои разбитые в кровь ладошки и про нового малыша. Мейми слушала его, затаив дыхание.

— Но МОЯ мама... — как заведённая, повторяла она.

— Да ладно, — махнул рукой Питер, — все они одинаковые. Чуть что — и заводят себе кого-нибудь новенького, стоит лишь случаю подвернуться!

Мейми была ошеломлена:

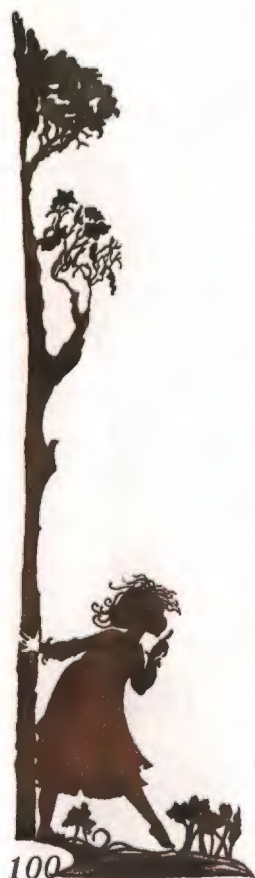
— Я просто отказываюсь в это верить!.. Слушай, Питер, но, когда ты улетел, у твоей мамы никого не было? Вот ей и стало скучно. А у моей-то есть Тони. Может, она обойдётся без новенького?

Питер горько ответил:

— Посмотрела бы ты на письма, которые присылают Соломону дамы. Они просят ещё **НОВЫХ**, а у некоторых из них уже есть по **ШЕСТЬ** стареньких!!!

И тут они услышали громкий «крак», а потом чуть дальше «крак», и совсем далеко — «крак-крак». Это было Открытие Ворот! Питер торопливо прыгнул в лодку. Уже зная, что Мейми не поедет с ним сегодня, он изо всех сил сдерживал слёзы. А Мейми совсем раскисла.

— Наверное, я уже опоздала, — рыдала она, заламывая руки, — О, Питер! Она наверняка уже завела себе кого-нибудь другого!

Питер опять порывисто выпрыгнул из лодки, будто Мейми не отпускала его восвояси.

— Я буду ждать тебя на этом месте, ровно в полночь, — горько прошептал он, стискивая её в объятьях. — Если ты побежишь короткой дорогой, то, может быть, успеешь вовремя...

Он запечатлел последний прощальный напёрсток на её тёплых пухлых губках, он провёл ладошками по её лицу, будто был незрячим.

— Миленький Питер! — заплакала Мейми.

— Милая Мейми!..

Она хлопнула по его ладошкам (если вы помните, у фей это способ помолвки) и побежала со всех ног прочь, прочь из Сада.

О! Как же она мчалась к воротам!

...Питер вернулся в Сад, как только прозвучал заветный «крак» Закрытия, но Мейми он в эту полночь так и не дождался. Тогда он понял, что она успела-таки домой вовремя. Ещё очень долго в нём теплилась надежда, что Мейми вернётся к нему. Иногда ему даже казалось, что он различает её силуэт на берегу Серпантина, в условленном месте. Но он ошибался — Мейми там не было.

Она больше никогда не встретилась с Питером Пэном. Несколько раз она почти решалась, но всегда её останавливало опасение, что мама больше не станет медлить во время её отлучки и тут же заведёт себе ДРУГОГО малыша.

Хотя теперь к Мейми Маннеринг была приставлена новая, очень ответственная няня, которая ни на секунду не спускала с девочки глаз, никто не мог запретить ей всё время вспоминать о Питере. Все её разговоры невольно сводились к нему. Она даже сама связала Пи-

теру грелку для чайника. Но это её почему-то не утешило, и Мейми очень часто сидела теперь на лавочке в Кенсингтонском Саду, печально вглядываясь в туманную даль Серпантина. И вот однажды, когда девочке было особенно грустно, потому что она не могла придумать, какой подарок сделать Питеру на пасху, мама дала ей дельный совет.

— Ничего не может быть полезнее для Питера, — сказала она убеждённо, — чем маленький резвый козлик!

— Да-а, — мечтательно протянула Мейми, — он мог бы скакать на козлике и в то же время играть на своей дудочке.

— Ну так почему бы тебе не подарить ему козлика? — спросила мама. — Того самого, которым ты пугаешь Тони по ночам...

— Но он же игрушечный! — возразила девочка.

— Ха! А Тони боится его, как настоящего, — заметила мама.

— И правда, — согласилась Мейми, — он выглядит ПУГАЮЩЕ настоящим. Но как я передам его Питеру?

Её мама была настоящей леди. Кроме того, она была женщиной замечательной и просвещённой. Короче, она знала один способ. (Может быть, она чувствовала себя несколько виноватой перед Питером). Как бы то ни было, но на следующее утро, в сопровождении Тони (который всё же был неплохим мальчиком, хоть и не шёл ни в какое сравнение кое-с-кем), они отправились в Сад. Мейми стала в центре магического круга, оставленного феями, а её мама остановилась в отдалении. Мама, откашлявшись, продекламировала:

— О, дочь моя, не ты ли принесла
Для Питера волшебного козла?

На что Мейми ответила:

— Чтоб он на козлике скакал
И на дудочке играл.

Затем она трижды хлопнула в ладоши и обежала магический круг.

Теперь настал черёд Тони. Он вышел из-за дерева и сказал:

— Если Питер Пэн его прируч'ит,
Пугать меня козёл не примчит.

Закончила ритуальное дарение Мейми:

— На козлике скачет он ночью и днём,
И вот уже сказки слагают о нём!

Деревянного козлика Мейми оставила в укромном местечке. Туда же она положила и письмо для Питера, в котором наказывала своему Серединке-Наполовинку попросить фей — пусть они превратят козлика в настоящего. А ещё Мейми вкратце объяснила Питеру правила верховой езды.

К счастью, всё произошло именно так, как предполагали Мейми и её мама. Питер нашёл козлика. Он нашёл также письмо и спрятал его в своём тайнике на Острове. Феям действительно не составило труда превратить игрушечного козлика в настоящего. И теперь Питер ночами гарцует на козлике по самым дальним закоулкам Кенсингтонского Сада и зовёт, зовёт кого-то ужасно печальной и чарующе прекрасной мелодией своей флейты.

А Мейми... Мейми сдержала слово: она больше никогда не пугала своего братца Тони козликом. Я слышал, что для этой цели она потом использовала другие игрушки.

Даже превратившись во взрослую девочку, Мейми продолжала оставлять в Саду подарки для Питера Пэна. И всегда прилагала записочки, объясняющие, как ими пользоваться, чтобы не отстать от настоящих мальчи-

ков. Должен вам сказать, что она не единственная, кто так поступал. Например, Дэвид тоже частенько оставляет в укромном местечке игрушки для Питера. Если вы захотите последовать его примеру, Дэвид охотно расскажет вам, где искать заветное место.

Питера очень радуют подарки настоящих мальчиков и девочек. И хотя он всё ещё не может забыть Мейми, теперь он снова стал весёлым и беззаботным. Часто от избытка чувств он валится на мягкую травку и всласть болтает в воздухе ножками. Его верный козлик пасётся рядом. Чего ещё можно желать для полного счастья? Но изредка какое-то смутное воспоминание о далёком человеческом прошлом заставляет его пристально смотреть вслед деревенским ласточкам, пролетающим над Птичьим Островом. Питеру невдомёк, что именно ласточки связаны с самыми ранними воспоминаниями детства, ведь эти птицы строят свои гнёзда под стрехами только тех домов, где есть младенцы...

А что же Маленький Волшебный Домик? — спросите вы.

А вот что.

В каждую буднюю ночь (проще сказать, в ту ночь, когда нет балов) феи те-

перь строят маленький домик — в надежде, что он пригодится человеческому ребёнку, заблудившемуся в Саду. А Питер Пэн еженощно объезжает дозором все дорожки Сада в поисках потерянных малышей. Когда же таковые находятся, он сажает их на козлика позади себя и отвозит к Волшебному Домику.

И всё повторяется снова: пока дети спят — им тепло и уютно, а когда просыпаются и выходят — то видят своими глазами это чудо.

Для фей и эльфов, коротающих время в развлечениях и балах, строительство домика — забава. Поэтому им ужасно весело.

Для Питера же это занятие очень серьёзное и ответственное.

Во-первых, он всё ещё помнит Мейми и, объезжая ночные аллеи, пристально вглядывается в темноту, опасаясь не заметить её. Во-вторых, он не позволяет себе относиться к поискам малышей спустя рукава, ибо уверен, что **НАСТОЯЩИЕ** мальчики никогда не оставляют слабых в беде.

Поэтому ночь напролёт сияют таинственные огни светлячков над строительной площадкой фей, поэтому ночь напролёт в притихшем Кенсингтонском Саду слышен тревожный, неумолчный перестук маленьких копыт...

...Поэтому, прошу вас, какими бы большими вы уже ни выросли, не забудьте посмотреть сквозь ограду Кенсингтонского Сада, когда поздним промозглым вечером вы будете одиноко брести по улице. Там, среди деревьев, празднично мерцают окна Волшебного Домика — спасительного приюта для всех, кто заблудился в тёмное время Закрытия...

Содержание

Глава 1. Большая прогулка по Кенсингтонскому Саду	4
Глава 2. Питер Пэн	16
Глава 3. Гнездо дрозда.....	30
Глава 4. Время закрытия.....	44
Глава 5. Волшебный домик	64
Глава 6. Питер Пэн и его волшебный резвоногий козлик	90

84 (4Вел)—4
Б 25

Барри Дж. М.

Б 25 Питер Пэн в Кенсингтонском Саду: повесть-сказка : [Для мл. и сред. шк. возраста] / Пер. с англ., худож. Г. Гринева. — Калининград: Янтарный сказ, 2001. — 108 с.: ил.

ISBN : 5—7406—0273—4: Б. ц., 3000 экз.

84 (4Вел)—4

© ФГУИПП “Янтарный сказ”, 2000, 2001.
© Г. Гринева, иллюстрации, 2000, 2001.
© Г. Гринева, перевод, 2000, 2001.

Джеймс М. Барри ПИТЕР ПЭН В КЕНСИНГТОНСКОМ САДУ

Повесть-сказка

Для младшего и среднего школьного возраста
Перевод с английского Гелены Гриневой

Художник Гелена Гринева

Редактор В. Б. Ковалева
Художественный редактор Л. И. Богатова
Технический редактор И. М. Дубровина
Корректор В. И. Козулова

ЛР № 010276 от 2.02.1998. Сдано в набор 20.09.99. Подписано в печать 12.04.2001. Формат 84x108/16. Бумага офсетная. Гарнитура школьная. Печать офсетная. Усл. печ. л. 11,34. Уч.-изд. л. 11,48. Второй завод, тираж 3000 экз. Заказ 13499.

Отпечатано в типографии Федерального государственного унитарного издательско-полиграфического предприятия «Янтарный сказ». 236000, Калининград, К. Маркса, 18.

"ДОМ КНИГИ" 120.00

0 078502 400109

Барри Д
ж. Пите
р Пен в
Кенсинг
тонс...

ЯНТАРНЫЙ СКАЗ

Калининград

ISBN 5-7406-0273-4

9 785740 602738